

Ирина Наумова

Ирина Наумова

Развод в 45. Мой муж в
панталонах сестры.

РАЗВОД В 45

*Мой муж
в панталонах
сестры*

Ирина Наумова

**Развод в 45. Мой муж
в панталонах сестры.**

«Литнет»

2026

Наумова И.

Развод в 45. Мой муж в панталонах сестры. / И. Наумова —
«Литнет», 2026

— Глядите, Павловский висит на балконе! Мать божья, да он в панталонах!
— раздался под окнами дружный гогот соседей. Я подняла голову и почувствовала, как мир, который я строила двадцать лет, разлетается в щепки. На кованой решетке балкона, вцепившись пальцами в перила второго этажа, болтал голыми ногами мой муж. Мой «идеальный» Игорь. Солидный главврач, отец семейства, мужчина, с которым мы вчера отмечали моё сорок пятилетие. Из одежды на нем были только розовые кружевные панталоны с рюшами. Те самые, которые он, видимо, забыл снять после «сеанса терапии» в спальне моей младшей сестры. А теперь он намертво зацепился ими за острый шпиль кованой решетки и раскачивался, как нелепый розовый маятник.

— Рита, я всё объясню! — прохрипел сверху этот карикатурный «тигр».

— Ты все не так поняла.. — Пошел вон из моей жизни вместе со своими панталонами! — в ярости крикнула я. В этот момент кружево с треском лопнуло, и мой муж под дружное щелканье камер соседских телефонов рухнул в кусты роз. Прямо к ногам сурового мужчины на черном внедорожнике, который наблюдал за этим шоу с холодным презрением. Двадцать лет брака. Общая клиника. Идеальная жизнь. Всё лопнуло вместе с этим розовым недоразумением. Игорь уверен: я никуда не денусь. Поплачу и прощу, ведь «в сорок пять бабий век дожит». Он еще не знает, что я уже пакую чемоданы. И что тот мужчина на внедорожнике, чей взгляд обжигает сильнее казанского солнца, совсем не считает, что моя жизнь закончена. Она только начинается. Без лжи, без предательства и... без розовых панталон. В тексте вас ждут:

✓ Муж-изменник в самом жалком виде (без брюк, но с кружевами) ✓
Сестра-предательница, чья «игра» вышла боком ✓ Сильная героиня, которая умеет резать по живому и начинать с нуля ✓ Очень горячий и надежный ГГ (бывший военврач со стальным характером) ✓ Юмор, драма и исцеляющая месть ✓ Хэппи-энд, от которого станет тепло

© Наумова И., 2026

© Литнет, 2026

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	8
Глава 3(Игорь)	12
Глава 4	16
Глава 5	19
Глава 6 (Игорь)	22
Глава 7	26
Глава 8	29
Глава 9	33
Глава 10(Рустам)	36
Глава 11	39
Глава 12	43
Глава 13	46
Глава 14(Игорь)	50
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Глава 1

Двадцать лет — это не просто стаж. Это целая жизнь, упакованная в дорогие фотоальбомы, общие счета и уверенность в том, что завтрашний день будет пахнуть точно так же, как сегодняшний: хорошим кофе, успехом и спокойствием.

В свои сорок пять я чувствовала себя на вершине. Ресторан «Золотой барс» сиял огнями, хрусталь на столах позвякивал в такт моим мыслям, а изумрудное шелковое платье облегло фигуру так, что я сама себе казалась статуэткой из драгоценного камня.

— Мамочка, ты сегодня — просто эталон, — прошептал мне на ухо Руслан, мой девятнадцатилетний наследник. Он поправил галстук, в котором выглядел пугающе взрослым, и галантно отодвинул мне стул. — Глядя на тебя, я понимаю, почему отец до сих пор смотрит на тебя так, будто выиграл в лотерею миллиард.

Я улыбнулась, коснувшись его руки. Руслан уже учился на втором курсе меда, и в его взгляде я видела ту самую мужскую надежность, которую всегда ценила в его отце. Моя семнадцатилетняя Алина, сидевшая рядом, согласно закивала, поправляя свои локоны.

— Папа сегодня вообще сам не свой от гордости, — добавила она.

Игорь действительно сиял. В свои сорок семь мой муж был воплощением успеха: седина на висках, безупречный темно-синий костюм и та особая аура власти, которую дает кресло главного врача крупного центра. Когда он поднялся с бокалом в руке, в зале стало тихо. Даже официанты замерли, превратившись в тени.

— Друзья, — голос Игоря, глубокий и бархатистый, всегда действовал на меня как хорошее успокоительное. — Говорят, что алмаз становится бриллиантом только после долгой и трудной огранки. Моя Маргарита — это редчайший камень, который двадцать лет назад согласился довериться моим рукам. Рита, за эти годы мы построили не просто клинику. Мы построили мир. И я обещаю: впереди у нас еще много десятилетий этой прекрасной огранки. За тебя, любовь моя!

Зал взорвался аплодисментами. Игорь подошел, приподнял меня за подбородок и поцеловал — долго, уверенно, так, как целуют только свою женщину. В этот момент я была абсолютно, безоговорочно счастлива. Все мои тревоги, мелкие рабочие дразги, усталость — всё это растворилось в золотистых пузырьках шампанского.

А потом начались танцы.

Музыка сменилась на тягучий, чувственный саксофон. Я танцевала с сыном, потом с коллегами, принимала поздравления, смеялась. А потом увидела их.

Игорь пригласил Ольгу. Моя младшая сестра в своем алом платье выглядела как яркое пятно на фоне сдержанных костюмов гостей. Ей было тридцать восемь, но она всё еще эксплуатировала образ «роковой девчонки», которой закон не писан. Они кружились в центре зала, и я на мгновение замерла с бокалом в руке.

Я — врач-диагност. Моя работа — замечать то, чего не видят другие. Едва уловимую желтизну склер, микро-тремор пальцев, заминку в дыхании. И сейчас мой мозг, настроенный на поиск патологий, выдал странный сигнал.

Рука Игоря на талии Ольги лежала чуть ниже, чем того требовал приличия и статус «зятя». Его пальцы не просто поддерживали её — они едва заметно поглаживали ткань платья. А Ольга... она запрокинула голову, смеясь над чем-то, что он шепнул ей на ухо, и на секунду прижалась к его плечу всем телом. Слишком тесно. Слишком... по-хозяйски.

В воздухе между ними будто проскочил статический разряд. Тот самый запах — её новый парфюм, сладкий, пудровый, удушливый — на мгновение окутал их обоих, создавая кокон.

— Мам? Ты чего? — голос Алины вывел меня из оцепенения.

Я моргнула, стряхивая наваждение.

— Ничего, милая. Просто саксофон такой... пронзительный.

«Глупости», — приказала я себе. — «Это Ольга. Твоя сестра, которую ты сама пристроила в клинику администратором. Это Игорь, твой муж, который только что клялся тебе в любви перед всей элитой района. У тебя просто праздничный психоз, Рита. Гормоны, усталость, сорок пять лет — вот и лезет в голову всякая чушь».

Они дотанцевали. Игорь вернулся ко мне, ничуть не смущенный, поцеловал в висок и предложил выйти на террасу подышать воздухом. Ольга упорхнула к бару, маша мне рукой и сияя своей белозубой улыбкой.

— Устала, королева? — спросил Игорь, обнимая меня за плечи на прохладном ночном воздухе.

— Немного. Эмоций слишком много.

— Ничего, завтра устроим тихий семейный обед, — он притянул меня к себе, и я почувствовала тепло его тела. — Никаких гостей, только мы, дети и Ольга. Посидим на веранде, доедим торт. А потом я отвезу тебя куда-нибудь, где нет телефонов и пациентов.

Я закрыла глаза, прижимаясь к его груди. Сердце под его пиджаком билось ровно и спокойно. Никакой аритмии. Никаких признаков лжи.

«Показалось», — окончательно решила я. — «Диагноз ошибочен. Анализы в норме».

Вечер закончился триумфально. Мы возвращались домой на такси, Игорь держал мою руку в своей, и я засыпала на его плече, уверенная в том, что я самая везучая женщина на свете. У меня была идеальная семья, прекрасные дети и муж, который смотрел на меня так же, как двадцать лет назад.

Я не знала, что этот «идеальный мир» уже дал трещину, которую не заклеить никакими бриллиантами. И что завтрашний семейный обед станет началом конца моей прежней жизни.

Я просто спала, улыбаясь во сне, пока в кармане пиджака Игоря, брошенного на кресло в холле, лежал маленький клочок бумаги из магазина «L'Amour Vintage», который я найду только завтра. Но это будет завтра. А сегодня мне было сорок пять, и я была любима.

Так мне казалось.

Глава 2

Дом пахнул как зал прощаний на Арском кладбище. Лилии, сотни тяжелых, душистых лилий в корзинах, расставленных по всем углам холла, высасывали из комнат кислород. Вчера это казалось роскошью, сегодня — избыточностью, граничащей с дурновкусием.

Я спустилась на кухню, стараясь ступать бесшумно. Голова была легкой, словно пустой флакон из-под того самого шампанского, которое Игорь вчера заказывал ящиками. Сорок пять. Вчера я вошла в этот возраст под аплодисменты элиты района, сегодня — проснулась с ощущением странного зуда под кожей.

Игорь уже был там. В фартуке поверх свежей поло, он виртуозно орудовал кофемашиной. Мой идеальный муж. Мой «алмазный» партнер.

— С добрым утром, юбилярша, — он обернулся, сияя белозубой улыбкой. — Я решил, что сегодня никакого персонала. Только семья. Как в старые добрые времена, помнишь? Яичница с томатами, кофе и полная тишина.

Он поставил передо мной чашку. Пенка была идеальной. Игорь вообще всё делал идеально. Как врач, я знала: такая безупречность часто является симптомом гиперкомпенсации. Когда человек чувствует вину, он начинает «лечить» окружающих повышенной дозой заботы.

— Спасибо, милый. Ты сегодня подозрительно бодр.

— Энергия юбилея, — он шутливо подмигнул и потянулся за своим телефоном, лежавшим на мраморной столешнице.

В этот момент на экране всплыло уведомление. Короткое, без имени, просто текст. Игорь мгновенно накрыл аппарат ладонью. Его пальцы, привыкшие к скальпелю, сжались чуть сильнее, чем нужно.

— Кто-то из министерства? — спросила я, помешивая кофе. — В воскресенье не дают покоя?

— Да, — он кивнул, не глядя мне в глаза. — Запрос по лицензированию нового блока. Придется завтра заскочить в город, уладить формальности. Кстати, Рита, я сменил пароль на телефоне. Старый глючил, а на конференции в Сочи предупреждали о взломах корпоративных данных.

— Пароль? — я подняла бровь. — Мы десять лет пользовались днями рождения детей. Что-то случилось?

— Безопасность, дорогая. В нашем статусе нельзя быть беспечными.

Я сделала глоток. Кофе показался горьким, несмотря на сахар. Смена пароля — это не безопасность. Это возведение стены. В медицине это называется «изоляция патологического очага».

К полудню подтянулись дети. Руслан, мой девятнадцатилетний наследник, вошел в дом, на ходу обсуждая по телефону какую-то лекцию по анатомии. Он был весь в Игоря — высокий, статный, с той же манерой уверенно занимать пространство. Алина, которой только исполнилось семнадцать, была моим отражением, но более хрупким, еще не закаленным жизненными ветрами.

— Мам, пап, ну вы и зажгли вчера, — Алина плюхнулась на стул у веранды. — Вся Казань в сторис только ваш танец и обсуждает. Вы — пара года, честное слово.

— Стараемся соответствовать ожиданиям молодежи, — рассмеялся Игорь, вынося на веранду поднос с закусками.

Обед проходил в режиме «образцово-показательной идиллии». Мы обсуждали поступление Алины, практику Руслана, новые аппараты УЗИ, которые Игорь планировал закупить. Всё было так правильно, так привычно, что я почти убедила себя: утренняя тревога — это просто похмелье сорокапятилетней женщины, испугавшейся цифры в паспорте.

А потом приехала Ольга.

Её ярко-красный «мини-купер» затормозил у ворот с визгом шин. Сестра выпорхнула из машины, нагруженная пакетами. Сегодня на ней был облегающий трикотажный костюм песочного цвета. Удобно, просто, но чертовски провокационно для семейного обеда.

— Семья! — пропела она, вбегая на веранду. — Ритка, я привезла тот самый торт, который ты любишь! Игорь, помоги с пакетами, у меня пальцы отвалятся!

Муж сорвался с места быстрее, чем я успела моргнуть. Они столкнулись в дверях. На секунду. Всего на одну чертову секунду. Но я увидела, как его рука скользнула по её локтю — не поддерживая, а... узнавая. А Ольга... она не отстранилась. Она на мгновение прикрыла глаза, вдыхая его парфюм.

И снова этот запах. Тот же, что и вчера. Тяжелая, пудровая сладость, которая теперь, на открытом воздухе, казалась мне запахом гнили.

— Ой, Ритка, — Ольга присела рядом, обмахиваясь ладонью. — Какой вчера был вечер! Я до сих пор под впечатлением. Игорь так меня кружил в танце, я чуть голову не потеряла. Думала, упаду прямо на глазах у министра.

Игорь в этот момент разливал сок. Стекланный кувшин звонко ударился о край стакана.

— Оля, не преувеличивай, — бросил он, не оборачиваясь. — Обычный вальс.

— Ну да, ну да, — хихикнула сестра, поправляя вырез костюма. — Обычный вальс с необычным мужчиной.

Я молчала. Я наблюдала. Мой мозг работал в режиме сканера.

Симптом 1: Игорь избегает визуального контакта с Ольгой при мне.

Симптом 2: Ольга ведет себя избыточно кокетливо, помечая территорию намеками.

Симптом 3: У них общая тайна, которая так и искрит в воздухе.

После обеда Игорь предложил:

— Рита, идите с Алиной погуляйте в саду, а мы с Русланом и Ольгой приберем здесь. Негоже имениннице в посуде копаться.

Я кивнула. Сделала вид, что ухожу. Но у самой двери вспомнила, что хотела собрать Ольге с собой остатки фирменной солянки — она её обожала. Я вернулась в дом через боковую дверь и пошла в кладовую за контейнером.

Кладовая примыкала к прихожей, отделенная лишь тонкой перегородкой и стеллажами с заготовками. Я уже потянулась за пластиковой крышкой, когда услышала приглушенные голоса.

— Ты с ума сошла? — это был шепот Игоря. Резкий, придушенный. — Зачем ты начала про танец? Рита не дура, она всё видит.

— Да брось ты, — голос Ольги звучал капризно и расслабленно. — Она в своем «алмазном небе» летает. Ничего она не видит. Завтра заскочишь? Я буду ждать в том самом... ну, ты понял. В розовом.

— Заеду после обхода, — выдохнул Игорь. Голос его изменился, стал густым, каким-то масляным. — Подарок с собой привезу. Тебе понравится. А теперь иди к Руслану, он в столовой.

В кладовой стало тихо. Тишина была клинической. Такой, какая бывает в морге перед первым разрезом патологоанатома.

Я стояла, сжимая в руках пустой пластиковый контейнер. Сердце не колотилось. Наоборот, оно будто замерло, перейдя в режим энергосбережения.

«Завтра. После обхода. В розовом».

Я вышла из кладовой через минуту. Лицо — маска. Спокойствие — ледяное. Я встретила их в прихожей. Игорь что-то увлеченно рассказывал Ольге про новые фильтры для воды. Они мгновенно разошлись в разные стороны, как только увидели меня.

— Оля, вот, возьми солянку, — я протянула ей контейнер. — Ты же любишь.

— Ой, спасибо, дорогая! Ты просто золото! — сестра чмокнула меня в щеку. — Ну, я полетела. Завтра в клинике дел непростительный.

Игорь проводил её до машины. Я видела через окно, как он открыл ей дверцу. Его рука на мгновение задержалась на её плече чуть дольше, чем требует родственное прощание.

Когда он вернулся, я стояла у кресла в холле. На спинке висел его вчерашний пиджак — тот самый, который он утром собирался сдать в чистку, да так и забыл.

— Рита, ты чего? — спросил он, снимая фартук. — Задумалась?

— Да так. Думаю, что нам нужно обновить сад. Слишком много лилий. Они пахнут... удушающе.

— Как скажешь, дорогая. Любкой каприз, — он подошел, чтобы обнять меня, но я ловко увернулась, якобы поправляя пиджак на спинке.

— Иди, Игорь, Руслан тебя в гараже ждет. Хотел про машину спросить.

Как только дверь за ним захлопнулась, я засунула руку во внутренний карман пиджака. Пальцы наткнулись на клочок бумаги. Скомканный, пахнущий тем самым «Сладким грехом». Я развернула его.

Чек из «L'Amour Vintage».

«Панталоны кружевные. Ретро-коллекция. Розовые. Размер 48».

Сорок восьмой. Размер моей сестры.

И дата — позавчера. День, когда Игорь сказал, что застрял на совещании в Казани.

Я медленно сложила чек и спрятала его в карман своих брюк.

Диагноз подтвержден. Анализы неоспоримы. Патология перешла в стадию, несовместимую с сохранением брака.

Я вышла на веранду. Солнце клонилось к закату, окрашивая наш идеальный дом в кроваво-красные тона. На столе оставался торт. Я взяла нож — длинный, тонкий, идеально заточенный.

Игорь вернулся из гаража, насвистывая какой-то мотивчик.

— О, десерт? — он подошел ко мне, положил руки на плечи. — Отрежешь мне кусочек побольше?

— Конечно, Игорь, — я посмотрела на него. Мой взгляд был абсолютно спокоен. — Я отрежу тебе ровно столько, сколько ты заслужил.

Я начала резать торт. Медленно. Хирургически точно. Прямо через кремовые розы и сахарную глазурь.

Завтра. После обхода.

Он поедет к ней.... В розовом....

А я приеду к ним. На десерт.

В сорок пять лет женщина перестает верить в сказки. Но она начинает верить в справедливость. И завтра, Игорь, я покажу тебе, что такое настоящая ролевая игра.

Только роль «обманутой жены» я играть больше не намерена.

— Вкусный торт? — спросила я, протягивая ему тарелку.

— Изумительный, — ответил он, проглатывая кусок. — У тебя всегда всё самое лучшее, Рита.

Я улыбнулась.

— Ты даже не представляешь, Игорь, насколько ты прав.

И самое лучшее в твоей жизни будет завтра и какой сюрприз тебя ждет ты даже себе не представляешь..

Глава 3(Игорь)

(от лица Игоря)

Жизнь главного врача престижной клиники — это всегда вопрос контроля. Ты контролируешь графики, закупки, текучесть кадров и показатели смертности. Ты — бог в белом халате, вершина пищевой цепочки пригородного поселка. И даже когда ты решаешь немного... расслабиться, ты уверен, что полностью контролируешь уровень своего грехопадения.

В спальне Ольги пахло так, будто здесь взорвалась кондитерская фабрика, специализирующаяся на ванильном зефире. Сладко, душно и вызывающе бесстыдно. Солнечный луч бесцеремонно пробивался сквозь щель в занавесках, подсвечивая пылинки, танцующие над кроватью.

— Ну же, Игорёша, не будь таким букой. Это же терапия! — Ольга хихикнула, поправляя на мне то, что она называла «костюмом для раскрепощения».

Я посмотрел в зеркало на дверце шкафа и на мгновение усомнился в собственной адекватности. На мне не было ничего, кроме розовых кружевных панталон сорок восьмого размера. Рюши игриво топорщились на моих бедрах, контрастируя с волосатыми ногами и швейцарскими часами, которые я забыл снять. Вид был... специфический. Но Ольга была так восторженна, так податлива и так не похожа на мою всегда безупречную, всегда правильную Риту, что я позволил себе этот фарс.

В конце концов, кто увидит? Рита в клинике, зарылась в свои отчеты и снимки. Она — диагност, она видит мир через черно-белую призму рентгена, а здесь, у Ольги, всё было цветным, кричащим и порочным. Мне это было нужно. Как глоток свежего воздуха после долгого дежурства в стерильной операционной.

— Ты мой капризный пациент, — прошептала Ольга, прижимаясь ко мне. — А я — твоя очень, очень строгая няня.

Я притянул её к себе, чувствуя себя альфа-самцом, который ловко обвел вокруг пальца всю вселенную. Я заслужил это. Двадцать лет я был идеальным мужем. Я подарил Рите бриллианты, я обеспечил детям будущее. Имею я право на маленькую... розовую слабость?

И в этот момент вселенная решила, что мой лимит везения исчерпан.

Снизу, из прихожей, донесся отчетливый, до боли знакомый звук открывающегося замка. И голос, от которого у меня внутри всё заледенело.

— Оля! Ты дома? Я торт привезла, вчерашний, — Маргарита. Моя жена. Моя «стерильная» Рита.

Тишина в спальне стала такой плотной, что её можно было резать скальпелем. Ольга замерла, её глаза округлились до размеров кофейных блюдечек.

— Она же... она же сказала, что в город поедет! — выдохнула сестра, в панике хватаясь за простыню.

— Прячься! — рявкнул я шепотом, хотя прятаться нужно было мне.

Шаги на лестнице. Уверенные, размеренные шаги женщины, которая привыкла входить в любую палату без стука.

— Оля, я вхожу! Ты спишь, что ли? — голос Риты был уже совсем близко, у самой двери спальни.

Паника — это интересное физиологическое состояние. Кровь отливает от мозга к конечностям, логика отключается, остается только первобытный инстинкт бегства. Брюки? Где мои чертовы брюки? Ах да, они остались внизу, в гостиной, на диване...

Я бросился к шкафу, но Ольга уже забилась туда сама, завалив себя горой платьев. Места для меня не осталось. Дверь спальни начала открываться.

Единственным выходом был балкон.

Я выскочил туда, едва не выбив стеклянную дверь. Понедельник. Полдень. Солнце слепило глаза. Я стоял на открытом пространстве в одних розовых панталонах, чувствуя, как холодный ветер обдувает мой «терапевтический костюм».

— Оля? А почему здесь так пахнет... Игорем? — донесся из комнаты голос жены.

Я понял, что через секунду она выйдет сюда. Она всегда проверяет балконы, она любит свежий воздух. Я посмотрел вниз. Второй этаж. Невысоко. Если прыгнуть в кусты роз, можно отделаться парой царапин.

Я перемахнул через перила, намереваясь изящно спуститься по декоративной кованой решетке, которую сам же советовал Ольге заказать у лучших мастеров. Решетка была красивой. С острыми пиками, напоминающими наконечники копий.

Моя правая нога соскользнула с влажного после утренней росы карниза. Я дернулся, пытаясь ухватиться за перила, но центр тяжести уже сместился.

— Черт! — вырвалось у меня.

Вместо мягкого приземления в розы я почувствовал резкий рывок. Громкий, сочный треск дорогого кружева разрезал тишину поселка. Я не упал. Я... завис.

Один из острых кованых вензелей, та самая «пика», аккуратно и надежно проткнула заднюю часть моих панталон, прямо между рюшами. Я болтался в воздухе, как нелепый розовый плод на железном дереве. Ноги беспомощно засучили в пустоте, руки судорожно вцепились в холодный металл решетки выше головы.

— Оля, посмотри, какая погода... — Рита вышла на балкон.

Она не закричала. Не упала в обморок. Она просто подошла к перилам и посмотрела вниз. А точнее — на меня.

Я замер. В этот момент я готов был отдать все свои клиники, все счета в банках и сапфировые запонки за то, чтобы земля просто разверзлась и поглотила меня вместе с этим розовым позором. Рита смотрела на меня так, как смотрят на атипичную опухоль в банке с формалином. С холодным, исследовательским интересом.

— Игорь? — спросила она будничным тоном, будто мы встретились в коридоре нашей клиники. — Ты что там делаешь?

— Рита... я... это не то, что ты думаешь... — мой голос прозвучал как жалкий писк. — Я просто... помогал Ольге с... карнизом.

— В панталонах? — она чуть склонила голову набок. — Розовых? Сорок восьмого размера? Игорь, я знала, что у тебя есть скрытые таланты, но ландшафтный дизайн в женском белье — это даже для тебя перебор.

Внизу, у забора, послышался шум. Я скосил глаза. Наша идиллическая улица начала оживать. Сосед слева, Паша, которого я всегда считал придурком, уже стоял на своем участке с телефоном в руках.

— Ох ты ж ни фига себе! — донеслось снизу. — Павловский! Михалыч, иди сюда быстрее! Тут главврач на заборе вешается! В труселях с оборками!

Я почувствовал, как пот застилает глаза. Ткань панталон натянулась до предела. Я слышал, как рвутся отдельные нити. Каждое мое движение отзывалось зловещим треском.

— Рита! — взмолился я, чувствуя, как лицо заливают краска стыда. — Сними меня! Помоги мне перелезть обратно!

— Помочь тебе? — Рита оперлась локтями о перила, рассматривая меня сверху вниз. — Знаешь, Игорь, я всегда считала тебя блестящим хирургом. Но сейчас я вижу, что ты — посредственный актер в очень плохом фарсе. Оля! Выходи, твой «пациент» застрял на процедуре.

Ольга появилась на балконе, завернутая в простыню. Вид у неё был такой, будто она только что увидела привидение. Или налоговую инспекцию.

— Рита... сестренка... я всё объясню... — начала она лепетать.

— Не утруждайся, Оля, — Рита даже не повернулась к ней. — Диагноз очевиден. Клиническая картина ясна. Игорь, как ты там говорил вчера? «Алмазная огранка»? Кажется, грань оказалась слишком острой.

— Гляди, гляди, вертится как карась на крючке! — голос соседа Паши стал громче. К нему присоединились двое рабочих, которые стригли газон на соседнем участке. — Эй, доктор! А клизма к такому костюму прилагается?

Я видел, как они наводят на меня свои смартфоны. Я видел вспышки. Я понимал: завтра это видео будет в каждой группе WhatsApp, в каждом паблике Казани. «Главврач Павловский в розовых рюшах». Это был конец. Социальная смерть. Финал моей блестящей карьеры.

Но самое страшное было не это. Самым страшным было спокойствие Риты. Она не плакала. Не обвиняла. Она просто... наблюдала за моим разложением.

— Рита, пожалуйста... — я попытался подтянуться, но рука соскользнула, и я еще сильнее провис на шпиле. Треск стал угрожающим. — Я куплю тебе всё, что хочешь! Помнишь те серьги, что ты присмотрела в Стамбуле? Я завтра же их закажу! Тольконими меня!

— Серьги? — Рита усмехнулась. — Игорь, ты действительно думаешь, что бриллианты могут заштопать этот позор? Ты сейчас выглядишь так... гармонично. Розовый цвет очень освежает твой цвет лица.

— Рита, у меня сейчас панталоны лопнут! — закричал я, чувствуя, что шпиль начинает больно впиваться в мягкие ткани. — Я упаду на розы! Я расшибусь!

— Ты уже расшибся, Игорь, — тихо сказала она. — Прямо об этот кованый забор. Своей репутацией, своим враньем и своей глупостью. Оля, у тебя есть ножницы? Или, может, скальпель? Я думаю, нашему герою пора на волю.

Ольга что-то запричитала, скрылась в комнате. Я висел, задыхаясь от ярости и унижения. Мне хотелось орать, проклинать их обеих, но я мог только жалко болтать ногами под гогот соседей.

— Снимите его уже, ну жалко же мужика! — крикнул кто-то снизу, но в голосе не было ни капли жалости, только издевка.

— Не, пусть повисит! Реклама клиники — огонь! «Лечим всё, даже тягу к розовому!» — отозвался другой голос.

Я закрыл глаза. В темноте перед глазами всплыли лица детей. Руслан. Алина. Как я посмотрю им в глаза? Как я войду в операционную? Как я вообще смогу ходить по этой земле после того, как мой зад в кружевах стал достоянием общественности? Но мои раздумья прервала Рита, она подошла к балкону и резанула ножницами по труселям... просто ампутировала как какую-то опухоль... без наркоза.

Когда лезвия ножниц сомкнулись на кружевной тесемке, я едва не опорожнил мочевой пузырь. Холодная сталь звякнула совсем рядом с пахом, и этот звук — чик — отозвался в моем мозгу грохотом пушечного выстрела. Я ожидал боли, удара, падения, но Рита... она не дорезала.

Она оставила меня болтаться на одном честном слове казанской швеи.

— Рита! Стой! — прохрипел я, впиваясь пальцами в холодный металл решетки.

Но она уже ушла. Исчезла в проеме балконной двери, оставив после себя лишь запах своего безупречного спокойствия. Ткань натянулась. Я чувствовал, как каждая ниточка розового кружева, впившегося мне в бедро, стонет от нагрузки. Я висел, как туша в мясном ряду, только вместо белого халата на мне были чертовы рюши, которые теперь казались мне петлей на шее моей карьеры.

А внизу... внизу был ад.

Я слышал гогот Пашки-соседа. Слышал, как кто-то из рабочих громко рассуждает, не пора ли вызывать МЧС или сразу психиатрическую бригаду. Каждый смешок снизу впивался в мою кожу острее кованых пик забора. Я — Игорь Павловский! Я — человек, перед кото-

рым в районе открывались все двери! А сейчас эти люди — те, кто еще вчера заискивающе заглядывал мне в глаза, выпрашивая талончик на прием, — снимали мой зад на свои дешевые смартфоны.

Потом открылась входная дверь.

Я увидел макушку Риты. Она вышла на крыльцо — такая статная, тонкая, идеальная в своем изумрудном платье. «Сейчас она их разгонит, — мелькнула в голове безумная надежда. — Сейчас она прикрикнет на них, скажет, что это ошибка, вызовет охрану...»

Но Рита подняла голову.

Наши взгляды встретились. Я ждал гнева, ждал слез, ждал, что она хотя бы отвернется от позора. Но она... она начала смеяться. Громко, искренне, захлебываясь от икоты. Этот смех бил меня по лицу сильнее, чем если бы она хлестала меня наотмашь. Она не спасала меня. Она наслаждалась шоу вместе с этими плебеями.

Я почувствовал, как последняя нить кружева, на которой держалось моё достоинство, начала медленно, с тягучим звуком расплетаться.

— Рита, помоги! — взвыл я, но мой голос утонул в очередном взрыве хохота толпы.

Я видел, как она бросает ключи в траву. Видел, как уходит — не оглядываясь, уверенно, будто вычеркивая меня из своей жизни одним росчерком пера. В этот момент ткань окончательно сдалась.. Сочный треск — и я полетел вниз, в колючие объятия роз, понимая, что розовые панталоны сорок восьмого размера — это последнее, что увидит во мне этот мир как в мужчине и враче.

Удар был жестким. Шипы моих любимых роз «Пьер де Ронсар» впились в кожу, подтверждая, что красота — это всегда больно. Я лежал лицом в земле, чувствуя запах перегноя и собственных духов, смешанных с запахом Ольги. Розовые рюши жалко топорщились у меня на поясице.

Рита подошла и бросила ключи в траву. Она развернулась и уходя сухо произнесла:

— Игорь, не забудь забрать остатки своего достоинства. Кажется, пара кружев осталась на пике. Тебе они еще пригодятся... для следующей роли.

И пошла, не оглядываясь, уверенно, будто вычеркивая меня из своей жизни одним росчерком пера.

Я не поднимал головы. Я слышал, как Ольга захлопнула балконную дверь. Слышал, как за забором продолжают смеяться люди. Я был Игорем Павловским, лучшим врачом района.

Но теперь я был просто человеком в рваных розовых панталонах, лежащим в грязи. И самое страшное — я всё еще надеялся, что Рита сейчас вернется, подаст мне руку, отряхнет коленки и скажет, что это просто плохой сон.

Потому что без неё я даже не знал, как встать.

Глава 4

В тот момент, когда я переступила порог спальни Ольги, воздух в комнате показался мне густым и липким, как пролитый сироп. Я — врач. Я привыкла к запахам болезни, к специфическому духу операционных и стерильной чистоте процедурных. Но здесь пахло иначе. Здесь воняло предательством, густо замешанным на той самой пудре «Сладкий грех», чек на которую жег мне карман еще вчера.

Мой мозг, мой верный, выдрессированный годами инструмент, мгновенно перешел в режим «отслоения». Я видела всё как бы через толстое стекло объектива. Вот Ольга, вжимающаяся в простыни, с размазанной тушью и лицом побитой дворняги. Вот раскрытый шкаф. А вот — балконная дверь, за которой скрывается «герой» моего романа длиной в двадцать лет.

Внутри что-то оглушительно хрустнуло. Наверное, та самая вера в «алмазную огранку» нашего брака, о которой Игорь так красиво пел на банкете. Шок не ударил меня в сердце, нет. Он разлился по венам холодным параличом, превращая меня в идеально отлаженный механизм.

Я не стала кричать. Крики — это для слабых, для тех, у кого еще остались иллюзии. Я просто молча вышла на балкон, не обращая внимания на мою растерянную сестру и увидела там его, висящего на панталонах. Смесь шока, боли и смеха одновременно смешался во мне как плохой коктейль. Я молча смотрела на это недоразумение и не обращала внимания на его стенания о помощи, о раскаянии. Меня как будто выключили, я не чувствовал больше ничего, молча смотря на Игоря как на барахтающегося таракана. Мне вдруг захотелось ампутировать его, просто, безоговорочно, навсегда... Я подошла к туалетному столику сестры. Там, среди хаоса из косметики и украшений, лежали её профессиональные портнов

...портновские ножницы. Тяжелые, из настоящей стали, с острыми лезвиями — Ольга любила подшивать свои вызывающие наряды сама.

— Рита, — прохрипела сестра, кутаясь в простыню. — Рита, послушай... это...

Я не слушала. Я посмотрела на ножницы, и в голове пронеслось: «Инструмент готов к работе. Поле операции стерильно». Я взяла их в руку. Холод металла успокаивал. Мой взгляд скользнул к распахнутой двери балкона, где за кованым завитком решетки, как нелепое розовое знамя позора, трепыхалась ткань Игоревых панталон.

Я вышла на балкон так спокойно, будто собиралась полить цветы. Игорь висел там, вцепившись в прутья, его лицо было землистого цвета, а глаза — два провала, полных животного страха. Он что-то мямлил про карниз, про помощь, про «это не то».

— Висишь? — спросила я негромко. — И как обзор?

Я протянула руку с ножницами. Он дернулся, едва не сорвавшись.

— Рита! Рита, ты что... ты с ума сошла?! Убери это!

Я посмотрела на розовое кружево, намертво зацепившееся за шпиль. Сорок восьмой размер. Действительно, Игорю они были маловаты — ткань натянулась до звона. Одним четким движением, с каким хирург рассекает фасцию, я сомкнула лезвия ножниц на кружевной тесемке.

Чик.

Звук был почти музыкальным. Игорь взвизгнул, когда одна из опорных нитей лопнула, и он провис еще ниже, теперь удерживаясь только на честном слове казанских трикотажников.

— Ты... ты же врач! — взвыл он, болтая голыми ногами в пустоте. — Ты давала клятву! Помогать!

— Я давала клятву лечить людей, Игорь. А ты — не человек. Ты — патологическое новообразование в моей жизни. А опухоли принято удалять.

Я не стала дорезать до конца. Я просто оставила его там — балансировать между позором и гравитацией. Развернулась и пошла к выходу, не удостоив Ольгу даже взглядом. Контейнер с тортом, который я всё это время сжимала в левой руке, я аккуратно поставила на её идеально заправленную постель.

— Кушай, Оля. Тебе понадобятся калории, чтобы пережить этот вечер.

Спускаясь по лестнице, я слышала, как за моей спиной разрывается тишина: Ольга начала голосить, а Игорь — орать что-то нечленораздельное. Но внутри меня царил мертвый штиль. Я открыла массивную входную дверь и вышла на крыльцо.

И тут меня накрыло звуковой волной.

Весь наш элитный поселок, обычно такой сонный и чопорный по понедельникам, сейчас напоминал трибуны стадиона во время финала чемпионата мира. У забора Ольги собралось человек пятнадцать. Наш сосед Паша — местный сплетник и бездельник — уже вел прямой эфир в соцсетях, комментируя «полет шмеля в кружевах». Двое рабочих-таджиков, бросив газонокосилку, тыкали пальцами вверх и хохотали так, что едва не падали.

Я проследила за их взглядами. Игорь всё еще висел, но теперь он крутился, пытаюсь ухватиться за водосточную трубу. Розовые панталоны, надорванные моими ножницами, полоскались на ветру, открывая почтенной публике все анатомические подробности главного врача района.

— О, глядите! Маргарита Равилевна вышла! — крикнул кто-то из толпы.

Объективы телефонов мгновенно перенацелились на меня. Я стояла на крыльце, ослепленная ярким июньским солнцем, и вдруг почувствовала, как в груди что-то начинает вибрировать. Это не была боль. Это была... икота.

Я прижала руку к губам, пытаюсь сдержаться, но первый смешок вырвался сам собой. А за ним — второй. Через секунду я уже хохотала в голос, согнувшись пополам, вытирая выступающие слезы. Это был истерический, очищающий смех человека, который только что потерял всё, но взамен получил нечто большее — понимание того, насколько всё это ничтожно.

Мой муж. Светило медицины. Кавалер орденов и меценат. Висит на заборе в розовых рюшах сорок восьмого размера.

Боже, какая же это была комедия!

Сквозь пелену слез я заметила черный внедорожник — огромный, матовый «Гелендваген», припаркованный чуть поодаль у соседского участка. Окно водительской двери медленно опускалось.

Я замерла, пытаюсь успокоить дыхание. Из салона на меня смотрел мужчина. Немолодой, со шрамом, пересекающим левую скулу, и глазами цвета холодного чая. Он не снимал происходящее на телефон. Он не улыбался. Он просто смотрел на меня — так, будто видел меня настоящую, без этого изумрудного платья, без статуса «идеальной жены», без всей этой шелухи.

Это был Рустам Гарипов. Я знала его — он владел крупным строительным бизнесом в Казани и недавно купил здесь участок. О нем ходили слухи как о человеке жестком, почти криминальном в своей прямолинейности.

Наши взгляды встретились. В его глазах не было насмешки. Там было... жгучее, почти осязаемое мужское сочувствие. Он будто понимал цену каждой моей слезе, спрятанной за этим безумным смехом. На мгновение мне показалось, что он сейчас выйдет, подойдет и просто закроет меня собой от этих камер и гогочущей толпы.

Но он только едва заметно кивнул мне — как равный равному, как солдат солдату, встретившемуся на поле боя. И это было сильнее любых слов утешения.

Я выпрямилась. Смех ушел, оставив после себя звенящую пустоту и удивительную ясность мысли.

— Рита! Рита, сними меня! — донесся сверху истошный вопль Игоря. — Ткань рвется! Рита!

Я подошла к своему белому кроссоверу, припаркованному у обочины. Достала из сумочки ключи. Те самые ключи с брелоком в виде золотого сердца — подарок мужа на годовщину. «Моё сердце в твоих руках», — говорил он тогда.

Я посмотрела на ключи. Потом на Игоря, который в этот момент с громким треском наконец-то сорвался с решетки и, издав короткий вскрик, рухнул прямоком в заросли моих любимых плетистых роз. Колючки встретили его радушно.

— Ох-хо-хо! Прямо в кусты! — заулюлюкал Паша-сосед. — Доктор, вам там не колет?

Я разжала пальцы. Ключи от машины, от дома, от всей моей прошлой «счастливой» жизни упали в пыльную придорожную траву.

— Рита! Ты куда?! Рита, помоги мне встать! — орал из кустов мой муж, запутавшись в ветках и розовом кружеве. — Я, кажется, ногу сломал! Рита!

Я не обернулась. Я развернулась в противоположную от дома сторону и просто пошла пешком по асфальтированной дорожке поселка. Мои туфли на каблуках звонко стучали, отсчитывая шаги к моей новой свободе.

Внедорожник Гарипова медленно тронулся с места, поравнялся со мной и на секунду притормозил.

— Вас подвезти, Маргарита Равилевна? — голос у него был низкий, с легкой хрипотцой. — До города прилично.

Я посмотрела на его профиль, на уверенные руки на руле. Искушение было велико, но сейчас мне нужно было другое.

— Спасибо, Рустам... — я запнулась, не зная отчества. — Я дойду сама. Мне нужно... проветрить голову.

— Понимаю, — он снова кивнул. — Берегите себя. В Казани сейчас ветрено.

Машина плавно ускорилась и уехала вперед, обдав меня запахом дорогого табака и кожи. А я продолжала идти, чувствуя на спине взгляды соседей и слыша затихающие крики Игоря и вопли Ольги.

Впереди была Казань. Впереди был развод. Впереди была полная неизвестность.

Но впервые за двадцать лет мне было по-настоящему легко дышать. Потому что самый страшный диагноз в моей жизни был наконец-то поставлен. И я знала, как его лечить.

Без наркоза. И без возврата к прошлому.

Глава 5

Такси остановилось у высоких кованых ворот нашего особняка. Я вышла из машины, чувствуя, как асфальт слегка пружинит под ногами — или это просто земля уходила из-под контроля. Я оставила ключи там, в пыли у дома сестры, рядом с «летучим голландцем» в розовых рюшах. Но замок на гаражных воротах подчинялся коду. Мой палец привычно выбил четыре цифры — дату нашего венчания. Какая ирония: пароль всё еще работал, хотя смысл его выветрился, как спирт из неплотно закрытой колбы.

Гараж встретил меня запахом дорогой резины и моторного масла. Место для машины Игоря пустовало. Пустота была физической, почти осязаемой. Я вошла в дом через внутреннюю дверь и замерла в холле.

Тишина была не просто отсутствием звука. Она была медицинским фактом.

Вчера здесь гремела жизнь. Вчера здесь пахло триумфом и лилиями. Сегодня лилии, расставленные в напольных вазах, начали подгнивать. Тот самый сладковато-приторный дух разложения, который всегда сопровождает умирающие цветы. Я смотрела на огромный холл с мраморным полом и понимала: я в морге. Этот дом — прекрасно обставленный, вылизанный до блеска — только что стал местом преступления.

Мой мозг, мой проклятый аналитический аппарат, снова услужливо прокрутил пленку назад. Час назад. Спальня Ольги.

Когда я открыла ту дверь, шок не ударил меня в грудь. Он зашел со спины и аккуратно выключил во мне всё человеческое, оставив только врача. Я увидела их и мгновенно поставила диагноз. Не измене. А себе. Я была той самой женщиной, которая двадцать лет лечила чужих людей, но просмотрела гангрену в собственной постели.

Я помню, как взяла те ножницы. Тяжелые, портновские. В руках они ощущались как хирургический инструмент. Я помню лицо Игоря на балконе — это была не гримаса раскаяния, а животный страх за свою репутацию. В ту секунду, когда я поднесла лезвия к кружеву панталон, я не чувствовала ревности. Я чувствовала брезгливость, с которой удаляют грязную повязку.

Чик.

Звук разрезаемой ткани был самым честным звуком в моей жизни. Я резала не кружево. Я перерезала пуповину, которая связывала меня с этим человеком. Я оставила его висеть там, на одном лоскуте, потому что именно так он выглядел все эти годы — фальшивка, державшаяся на честном слове моей преданности.

Я прошла в гостиную. На журнальном столике стоял мой вчерашний бокал с недопитым шампанским. Пузырьки выдохлись. Вино превратилось в кислую, теплую жижу.

Я начала обходить комнаты. Это была анатомия моего брака. Вот диван, который мы выбирали в Италии. Игорь тогда сказал: «Риточка, тебе должно быть удобно читать здесь отчеты». Не «нам должно быть удобно отдыхать», а «тебе удобно работать». Он методично превращал меня в идеальный придаток к своей карьере. Я была его визитной карточкой, его лучшим диагностом, его «становым хребтом», как он выразился вчера. Но хребет нужен для того, чтобы на него что-то опиралось. Игорь не опирался. Он просто паразитировал, высасывая из меня силы на поддержание своего блестящего фасада.

Я зашла в кабинет Игоря. На столе — массивный прибор из оникса, диплом «Врач года», наше семейное фото в серебряной раме. Я взяла фото в руки. Мы там такие счастливые. Я — молодая, со светящимися глазами. Он — уверенный в себе хозяин жизни. Теперь я видела на этом снимке то, что пропускала годами: его рука на моем плече лежала слишком тяжело. Как у владельца на холке призовой лошади.

Я открыла сейф. Документы на дом, счета, лицензии. Мой диплом лежал в самом низу, придавленный его папками с инвестиционными планами. Символично.

В кармане завибрировал телефон. Я достала его и чуть не выронила. Групповой чат нашего поселка «Золотые ключи» разрывался от уведомлений. Видео. Ссылка на Ютуб. Ссылка на Телеграм.

Заголовок: «Главврач Павловский — полет нормальный! Розовое настроение».

Я нажала на «play». Камера дрожала, кто-то за кадром ржал, как полковая лошадь. Игорь болтал ногами, розовые рюши полоскались на ветру, а мой смех — мой собственный безумный смех — служил звуковой дорожкой к этому позору.

— Боже... — выдохнула я, опускаясь в кресло.

Это было не просто видео измены. Это был социальный суицид. Игорь не просто изменил мне. Он уничтожил нас как фамилию. Как бренд. Нашу клинику теперь будут называть «той самой, где босс в панталонах».

Дверь гаража снова загудела. Через минуту в дом ворвались дети.

Руслан зашел первым. Лицо бледное, челюсти сжаты так, что на скулах играли желваки. Он бросил ключи на тумбочку, и этот звук в тишине прозвучал как выстрел. За ним влетела Алина. Глаза красные, опухшие от слез, тушь размазана по щекам.

— Мама! — Алина бросилась ко мне, едва не сбив с ног. — Мама, ты видела?! Это же... это же фейк, да? Скажи, что это нейросеть! Сейчас же все подделывают!

Я обняла её, чувствуя, как она дрожит. Руслан остался стоять у двери, глядя на меня тяжелым, взрослым взглядом.

— Это не фейк, Алина, — мой голос был сухим и ровным. — Это твой отец. И твоя тетя Ольга. В прямом эфире нашего общего позора.

— Нет! — Алина оттолкнула меня, её лицо перекопилось от ужаса. — Это ты... ты всё испортила! Зачем ты туда поехала? Зачем ты смеялась на видео? Теперь все в школе... все пересылают это друг другу! У меня в личке ад! Мама, сделай что-нибудь! Позвони кому-нибудь, пусть удалят!

Я посмотрела на дочь. В её глазах не было сочувствия ко мне. Там был страх за свой уютный, вылизанный мир. За свои сторис, за свой статус «дочки Павловского».

— Удалить это нельзя, Алина. Это интернет. А папа... папа сейчас, скорее всего, выковыривает колючки из того места, на которое он приземлился.

— Как ты можешь так говорить?! — закричала она. — Он же отец! Ему, наверное, больно! А ты стоишь тут... холодная, как лягушка! Вечно ты такая! Тебе клиника важнее всего! Поэтому он и... поэтому он к Оле и пошел! Она живая! Она веселая!

Пощечина получилась произвольной. Короткий, хлесткий звук. Алина осеклась, прижав руку к щеке. В холле стало так тихо, что я слышала тиканье часов в кабинете.

— Алина, — тихо сказал Руслан. — Заткнись. Сейчас же.

Сын подошел ко мне и положил руку на плечо. Его ладонь была горячее и твердой.

— Я видел всё, мам. Видел, как он висел. И видел, как ты уходила. Ты всё правильно сделала.

— Руслан... — я прижалась лбом к его плечу.

— Не надо, — он мягко отстранил меня. — Давай собирать вещи. Я вызвал грузовое такси. Оно будет через полчаса.

— Куда? — Алина смотрела на нас, как на сумасшедших. — Куда собирать? Это наш дом! Мы никуда не поедem! Мама, извинись перед папой, когда он придет, и мы просто забудем это... ну, поболит и пройдет!

— Нет, Аля, — я посмотрела на дочь с горечью. — Это больше не наш дом. Это декорация, которая сгорела. Я уезжаю в Казань. В квартиру бабушки.

— В ту развалюху в Старо-Татарской?! — Алина сорвалась на визг. — Там даже нормального душа нет! Я не поеду! Я останусь с папой! Он меня любит, он мне обещал машину на выпускной!

Я почувствовала, как внутри меня что-то окончательно омертвело. Моя дочь — моя маленькая принцесса, в которую я вложила всю душу, — сейчас торговала своей лояльностью за обещание новой машины. Она выбирала сторону изменника, потому что у изменника остались деньги и этот дом.

— Хорошо, Алина. Оставайся. Это твой выбор.

Я пошла наверх, в спальню. Руслан пошел за мной. Мы работали молча. Я открыла огромный встроенный шкаф — мой личный алтарь шмоток и сумок. Взгляд упал на «Биркин», которую Игорь подарил вчера. Цвет «пепел розы». Красиво. Дорого. И мерзко.

Я оставила её на кровати. Рядом положила бриллиантовые серьги.

— Мам, почему ты это не берешь? — Руслан кивнул на украшения. — Это же твоё. По закону.

— Это не моё, Рус. Это взятки. Он давал мне их, чтобы я не замечала запаха его лжи. Я не хочу тащить это в новую жизнь. Мне противно касаться этих вещей.

Я скидывала в чемоданы только то, что купила сама. Свои книги по диагностике. Свои рабочие халаты. Несколько любимых платьев, в которых я чувствовала себя собой, а не «женой Игоря».

Через полчаса в дверь позвонили. Грузчики начали выносить коробки. Алина сидела на лестнице, обхватив колени руками, и смотрела на нас взглядом, полным ненависти.

— Ты пожалеешь, — прошипела она, когда я проходила мимо с последней сумкой. — Ты останешься одна в своей конуре. А папа... папа найдет способ всё исправить. Он сильный. А ты просто сухарь.

Я остановилась. Посмотрела на неё. Моя дочь. Семнадцать лет моего труда.

— Сильный человек не висит на заборе в панталонах твоей тети, Аля. Сильный человек находит в себе смелость признать, что он трус. Твой отец — трус. И ты сейчас учишься у него самому худшему.

Я вышла из дома. Руслан шел за мной, неся мой самый тяжелый чемодан с медицинскими справочниками. Он помог мне сесть в такси.

— Я приеду завтра, мам. Нужно закрыть кое-какие хвосты в университете.

— Ты правда поедешь со мной, Рус? В ту «конуру»?

Он улыбнулся — впервые за этот страшный день.

— Там отличный вид на Кабан. И там не пахнет лилиями. Я с тобой, Маргарита Рави-левна.

Машина тронулась. Я смотрела в заднее стекло на наш особняк. Он уменьшался, превращаясь в нарядную коробку, внутри которой осталась моя сломанная дочь и моя разрушенная жизнь.

Я не плакала. Я просто чувствовала, как внутри меня медленно, но верно включается режим восстановления. Как после тяжелой операции, когда наркоз отходит, и ты понимаешь: будет больно, очень больно. Но ты будешь жить.

Впереди была Казань. И я знала: это будет лучшая диагностика в моей жизни.

Я достала телефон и удалила чат поселка. А потом заблокировала номер Игоря.

— Прощай, Игорь, — прошептала я. — Надеюсь, розы были с очень длинными шипами.

Глава 6 (Игорь)

(от лица Игоря)

Потолок в частной палате «Люкс» был безупречно белым. Таким стерильным, что на нем не за что было зацепиться взглядом. Я лежал, уставившись в эту пустоту, и чувствовал, как каждая клеточка моего тела пульсирует тупой, изматывающей болью. Йод жег исцарапанное лицо так, будто меня приложили мордой к раскаленной плите. Лодыжка, туго стянутая эластичным бинтом, ныла в такт сердцебиению.

Но физическая боль была ничем по сравнению с тем ядом, который разливался в груди.

Я — Игорь Павловский. Главный врач, основатель клиники, человек, чье имя в Татарстане произносили с придыханием. И где я теперь? В собственной больнице, но не в кабинете, а на койке, с диагнозом «множественные рваные раны кожных покровов» и репутацией, разлетевшейся в пыль за пятнадцать минут.

В дверь негромко постучали. Вошел Дмитрий, один из моих ведущих хирургов. Парень, которого я сам вытащил из провинциальной поликлиники и сделал человеком.

— Игорь Михайлович, — он замялся у порога, не решаясь подойти ближе. — Перевязку бы... И капельницу обновить.

Я медленно повернул голову. Дима смотрел куда угодно — на капельницу, на монитор, на свои идеально чистые туфли — только не на моё лицо. Его губы странно подергивались.

— Чего застыл, Дима? — мой голос прозвучал как хрип старого курильщика. — Выполняй работу. Или ты теперь боишься заразиться моим «розовым настроением»?

Он вздрогнул.

— Ну что вы, Игорь Михайлович... Мы всё понимаем. Бывает.

— Что «бывает»? — я попытался приподняться на локтях, и вспышка боли в спине заставила меня зашипеть. — Что бывает, Дима? Что твоя жена врывается к сестре с ножницами и выкидывает тебя на забор? Это «бывает»?

Дмитрий промолчал, быстро меняя пакет с раствором. Его руки работали четко, но я видел, как он старается не выдать себя. На тумбочке завибрировал его телефон. Экран вспыхнул, и я успел заметить знакомый стоп-кадр: розовое пятно на фоне кованных пик.

— Пошел вон, — тихо сказал я.

— Но, Игорь Михайлови...

— Пошел. Вон. Из. Палаты! — сорвался я на крик, который тут же отозвался резью в ребрах.

Дверь за ним захлопнулась почти мгновенно. Я остался один. Тяжело дыша, я нащупал свой смартфон, который медсестра заботливо положила на край тумбочки. Руки дрожали.

Я зашел в Телеграм. Первый же городской паблик встретил меня заголовком: «Полет шмеля в кружевах: как развлекаются казанские эскулапы».

Пятьсот тысяч просмотров. Три тысячи комментариев.

«Доктор Пинк», «Барби-хирург», «Когда перепутал операционную с будуаром». Люди захлебывались от восторга. Те самые люди, которые еще вчера рассыпались в благодарностях, лизали мне руки за скидку на МРТ и называли «светилом». Теперь они упражнялись в остроумии, обсуждая мои голые ноги и рюши на заднице.

И во всем этом была виновата Рита.

Холодная, расчетливая стерва. Как она могла? Как она могла стоять там, внизу, и смеяться? Я видел её лицо через пелену позора — она не просто смеялась, она торжествовала. Она наслаждалась каждым моим судорожным движением. Двадцать лет я строил для неё этот

замок, оберегал от всех невзгод, дарил бриллианты, а она... она взяла ножницы и просто разрезала нашу жизнь пополам.

Да, я оступился. Да, Ольга — это было... импульсивно. Но разве я не имел права на каплю тепла? Рита все эти годы была как медицинский справочник: информативна, полезна, но лишена души. Она смотрела на меня не как на мужчину, а как на сложный клинический случай, который нужно постоянно мониторить. С ней даже в постели казалось, что я прохожу ежегодную диспансеризацию.

А Ольга... Ольга давала мне почувствовать себя богом. Нужным. Живым. Эти её дурацкие игры — да, глупо, да, нелепо, но в них была жизнь!

Дверь палаты снова открылась, на этот раз без стука. Ольга проскользнула внутрь, как побитая собака. Лицо опухшее, глаза красные, в руках какой-то пакет.

— Игорь... — она всхлипнула и бросилась к моей кровати. — Игорь, прости меня! Это я виновата, я не закрыла дверь на замок, я не подумала...

Я посмотрел на неё с горькой усмешкой. Ольга была единственным человеком, который сейчас не смеялся надо мной. Потому что она была в той же яме.

— Рита ушла, — прошептала она, утыкаясь носом в край моего одеяла. — Она приехала ко мне, Игорь... Она была как робот. Отрезала кусок этих чертовых панталон и просто ушла. А потом я увидела... увидела видео в сети. Это конец, да? Меня завтра уволят из клиники?

Я прикрыл глаза. Ольга раздражала своей слабостью, но сейчас эта слабость была мне на руку. На фоне Риты, которая уходила с гордо поднятой головой, Ольга была понятной и безопасной.

— Никто тебя не уволит, Оля, — я коснулся её волос. — Клиника — это я. И я решаю, кто там работает. Рита думает, что она может просто так взять и вычеркнуть меня? Она ошибается. Она разрушила семью, она выставила меня на посмешище... Она заплатит за это.

— Она вещи собирает, — Ольга подняла голову. — Мне Пашка-сосед написал, он там дежурит у ворот. Сказал, грузовик приехал. Руслан ей помогает... Игорь, сын от тебя отвернулся.

Это ударило сильнее, чем падение в розы. Руслан. Мой мальчик. Мой наследник. Значит, Рита уже успела промыть ему мозги. Настроила сына против отца, даже не попытавшись поговорить, не дав шанса объясниться. Как это на неё похоже — вынести вердикт без права на апелляцию.

— Ничего, — процедил я сквозь зубы. — Руслан молод и глуп. Он привык к хорошей жизни, а на зарплату интерна в бабушкиной квартире он долго не протянет. Посмотрим, как запоет его принципиальность через месяц.

Я нащупал в списке контактов номер Горского. Мой адвокат, человек, который вытаскивал меня из самых грязных судебных исков по врачебным ошибкам.

— Спишь, Глеб? — спросил я, когда он снял трубку.

— После твоего «вылета»? Какой там сон, Игорь, — голос Горского был сухим. — Видео огонь. Ты хоть понимаешь, что завтра в министерстве будет разнос?

— Плевать на министерство. Займись Ритой. Она уходит. Я хочу, чтобы к утру все её счета были заблокированы. Клиника, дом, машины — всё это принадлежит мне. Выясни, на каком основании она распоряжается имуществом. Если она думает, что заберет хотя бы копейку после того, что она устроила... она глубоко заблуждается. Мы представим это как климактерический психоз. Она неадекватна, она опасна для бизнеса. Ты понял?

— Понял, Игорь. Но ты же знаешь, она соучредитель...

— Сделай так, чтобы она стала «бывшим соучредителем», — отрезал я и сбросил вызов.

Я чувствовал, как внутри закипает холодная, расчетливая энергия. Рита хотела шоу? Она его получит. Она думает, что может просто так забрать чемодан и уйти в закат? Нет, дорогая. Ты уйдешь нищей. Ты будешь умолять меня о прощении, когда поймешь, что без моей фамии-

лии и моих денег ты — просто стареющая женщина с дипломом врача, который в этом городе теперь ничего не стоит.

— Игорь... — Ольга робко коснулась моей руки. — А Алина? Она же с тобой осталась?

Алина. Моя маленькая принцесса. Единственная, кто не пошел на поводу у «холодной королевы».

Я набрал номер дочери. Она ответила после второго гудка. В трубке слышались всхлипы.

— Папочка... папа, это правда? Видео... все говорят такие гадости... — голос Алины дрожал.

— Тише, котенок, тише, — я постарался придать голосу максимум отеческой нежности, перемешанной с мученическим стоицизмом. — Всё, что ты видишь — это чудовищная провокация. Маме сейчас очень плохо, у неё тяжелый период, нервный срыв. Она не ведает, что творит.

— Но там... там ты на балконе! — Алина сорвалась на рыдания. — Папа, зачем ты это надел? Тебя все ненавидят!

Я прикрыл глаза, сглатывая ярость. Даже собственная дочь задает этот идиотский вопрос.

— Это был спор, Аля. Глупая шутка, которую мама превратила в расправу. Она специально всё это подстроила, чтобы уничтожить меня. Но ты не бойся. Я рядом. Я справлюсь. Ты же знаешь, я никогда не оставлю тебя без защиты. Помнишь машину, которую мы присмотрели? Она будет твоей. И этот дом останется твоим. Только не слушай Руслана, он сейчас под полным влиянием маминой истерики. Пообещай мне, что останешься в доме.

— Я... я останусь, папа, — всхлипнула Алина. — Руслан уехал с ней. Он кричал, что ты предатель... Но я не хочу в ту квартиру в городе! Там воняет старостью!

— Вот и умница. Ты — единственное, что дает мне силы бороться. Сиди дома, закрой двери и никого не впускай. Я скоро буду.

Я нажал отбой. Рука, сжимающая телефон, побелела в суставах. Алина была моим заложником. Моим щитом. Рита никогда не пойдет на открытый финансовый террор, пока знает, что дочь со мной. А Алина... Алина любит комфорт больше, чем справедливость. Я сам её такой вырастил. И сейчас эта её слабость стала моим главным козырем.

— Она осталась? — Ольга подняла на меня полные надежды глаза.

— Осталась, — я криво усмехнулся, чувствуя, как стягивает кожу на исцарапанной щеке. — Рита думает, что она — великий хирург, а на деле она просто бросила пациента на операционном столе и ушла мыть руки. Она думает, что правда на её стороне? Глупая. Правда на стороне того, кто контролирует ресурсы.

Я снова посмотрел на белый потолок. В голове уже выстраивалась стратегия. Завтра я созову совет директоров. Я скажу, что Маргарита Равилевна временно отстранена в связи с тяжелым психологическим состоянием. Поселковые сплетни? Плевать. Видео? Мы скажем, что это был корпоративный розыгрыш, который зашел слишком далеко, или глубокий фейк, состряпанный конкурентами. В наше время люди верят в то, во что им удобно верить.

А Рита... Рита скоро поймет, сколько стоит её гордость. Когда она придет в магазин и обнаружит, что её золотая карта — просто кусок пластика. Когда она захочет зайти в свой кабинет и увидит на двери новый замок. Когда она поймет, что в сорок пять лет начинать всё с нуля в облезлой квартире — это не свобода. Это приговор.

— Оля, — я повернулся к сестре жены. Она выглядела жалко, но сейчас она была мне нужна. — Завтра ты выходишь на работу. С гордо поднятой головой. Ты — жертва маминой агрессии. Поняла? Она ворвалась к тебе в дом, она угрожала тебе холодным оружием, ты была в шоке.

— Но ножницы... — Ольга запнулась.

— Ножницы были в её руках! — рявкнул я. — И это всё, что должны знать окружающие. Она сошла с ума на почве юбилея и климакса. Она опасна. Мы — пострадавшая сторона.

Я почувствовал, как капельница медленно вливает в меня прохладу, но внутри всё горело. Я не просто вычеркну её из жизни. Я сделаю так, что само её имя будет вызывать сочувственную усмешку. Она хотела смеяться надо мной? Что ж. Посмотрим, кто будет смеяться последним, когда она останется один на один со своим «диагнозом: свободна» в пустом кармане.

— Я уничтожу тебя, Рита, — прошептал я в пустоту палаты. — И розовые панталоны станут самой дорогой покупкой в твоей жизни. Только платить за них будешь ты.

Ольга прижалась к моей руке, но я едва это заметил. Мои мысли были уже там — в завтрашнем дне, где я снова стану богом. А боги, как известно, не прощают тех, кто посмел лишить их трона. Даже если ради этого пришлось немного повисеть на заборе.

Бизон литературы на связи: Глава 6 завершена. Мы заглянули в черепную коробку Игоря и увидели там классического нарцисса-манипулятора. Он не раскаивается, он перекладывает вину и готовит ответный удар, используя дочь как инструмент. Теперь читательницы будут ждать его краха с ещё большим нетерпением. Переходим к Главе 7 — переезду Риты в Казань и её первой встрече с Рустамом на его территории?

Глава 7

Солнечный луч, пробившийся сквозь пыльное стекло старой «сталинки», бесцеремонно высветил каждую трещинку на потолке. Я лежала на узкой софе, пахнувшей сушеной липой и глубоким, архивным прошлым моей бабушки. В этом доме время замерло где-то между хрущевской оттепелью и развалом Союза. Тяжелый дубовый шкаф, в котором до сих пор хранились подкрахмаленные кружевные салфетки, смотрел на меня с немым укором, словно спрашивал: «Ну что, Маргарита, долеталась?»

Я села, потирая затекшую шею. После стерильного совершенства нашего особняка под Казанью, эта квартира казалась декорацией к фильму о жизни обедневшей интеллигенции. Но здесь не воняло лилиями. И здесь не было Игоря.

— Мам? Ты как? — Из кухни выглянул Руслан. Он уже успел где-то раздобыть чайник и теперь грел воду на старой газовой плите, которая при включении издавала звук, похожий на предсмертный хрип курильщика.

— Собираю анамнез собственного идиотизма, Рус, — я попыталась улыбнуться, но губы слушались плохо. — Как спалось на диване?

— Лучше, чем в доме, где стены пропитаны враньем, — серьезно ответил сын. — Я посмотрел счета.

Я замерла. Внутри всё сжалось. Я достала телефон, открыла банковское приложение и уставилась на экран. Красная надпись «Счет заблокирован по инициативе владельца» горела как приговор.

Игорь не терял времени. Пока я перевозила коробки, он, лежа на своей больничной койке, методично перекрывал мне кислород. Моя золотая карта, символ моей «алмазной» жизни, превратилась в бесполезный кусок пластика.

— Мелковато для великого хирурга, — прокомментировала я, чувствуя, как внутри закипает холодная, расчетливая ярость.

— У нас есть твоя заначка и мои накопления с подработок, — Руслан поставил передо мной чашку с чаем. — Продержимся.

— Продержимся, — кивнула я, делая глоток. — Но сидеть в обороне я не собираюсь. Если опухоль начала метастазировать, нужно некротизировать её радикально. Мне нужно помещение. Прямо сейчас.

Лицензия нашего медцентра была завязана на оба наших имени, но мой сертификат диагноза позволял мне открыть частный кабинет. Мне нужно было место. Статусное, чистое, в центре Казани. Такое, чтобы пациенты, которые привыкли к моему имени, не побоялись прийти ко мне.

Через два часа, наскоро приведя себя в порядок и замазав тени под глазами, я уже стояла перед зеркалом в прихожей. На мне был строгий темно-синий костюм — мой «боевой раскрас».

— Мам, может, я с тобой? — спросил Руслан, выходя в коридор.

— Нет, Рус. Занимайся квартирой. Вызови клининг, пусть выветрят этот запах нафталина. А я пойду искать наше «Второе дыхание».

Казань встретила меня суетой и запахом разогретого асфальта. Я вызвала такси — налички в кошельке было немного, и каждый рубль теперь имел вес. Мой путь лежал в Вахитовский район, к новому бизнес-центру, о котором Диляра жужжала мне все уши. «Гарипов-Плаза». Стекло, бетон и панорамные окна с видом на Кремль.

Здание выглядело как скальпель, вонзенный в небо — острое, современное, бескомпромиссное.

Менеджер по аренде, молодой человек по имени Булат, расплылся в профессиональной улыбке, когда я назвала свою фамилию.

— Маргарита Равилевна! Конечно, мы слышали о вас. Ваша диагностика — это легенда. Пройдемте, я покажу вам четвертый этаж. Там как раз освободился блок под медицинские услуги.

Кабинет был идеален. Белые стены, высокие потолки, система приточной вентиляции — всё по СанПиНу. Я стояла у окна и видела, как внизу копошится город.

— Цена, Булат? — спросила я, не оборачиваясь.

Когда он назвал сумму, у меня на мгновение перехватило дыхание. Это было дорого. Очень дорого. Даже для моих «докризисных» времен. А сейчас, с заблокированными счетами...

— Мы можем обсудить график платежей, — мягко добавил менеджер, заметив мою паузу. — Но наше руководство предпочитает арендаторов с безупречной репутацией.

В этот момент в моем мозгу всплыло видео. Панталоны. Игорь. Хохот соседей. Моя «безупречная репутация» сейчас висела на том же заборе, что и мой муж.

— Я подумаю, — сухо ответила я. — Пришлите договор на почту.

Я вышла из здания, чувствуя, как уверенность начинает давать трещину. Гордость — дорогая штука, Маргарита Равилевна. Особенно когда тебе сорок пять и ты начинаешь жизнь с бабушкиной софы.

На парковке былолюдно. Я искала глазами свое такси, когда мимо меня, обдав жаром разогретого мотора, проплыл огромный черный «Гелендваген». Он притормозил так резко, что шины издали короткий вскрик.

Дверь открылась. Из машины вышел он.

Рустам Гарипов. Тот самый мужчина из черного внедорожника у дома Ольги.

В деловом костюме-тройке он выглядел еще внушительнее, чем вчера. Широкие плечи, шрам на скуле, который придавал его лицу выражение опасной сосредоточенности, и взгляд... взгляд человека, который не просит, а берет.

Я замерла. В горле внезапно пересохло.

— Маргарита Равилевна, — он произнес моё имя так, будто пробовал его на вкус. — Какими судьбами в моих владениях? Неужели решили сменить климат пригорода на казанский смог?

— Ваших владениях? — я вскинула подбородок, включая режим «железной леди». — Так это здание принадлежит вам, Рустам...

— ...Тимурович, — подсказал он, подходя ближе. От него пахло дорогим табаком и чем-то хвойным. — Да, это моё здание. И, судя по вашему лицу, Булат только что озвучил вам цену, которая заставила вас вспомнить о клятве Гиппократы.

Я почувствовала, как щеки обжигает румянец. Не от смущения — от ярости.

— Моё лицо в полном порядке, Рустам Тимурович. А ваши менеджеры знают свое дело. Помещение достойное.

— Достойное, — он кивнул, остановившись в метре от меня. Он был выше почти на голову, и мне пришлось задрать подбородок еще выше. — Только вот медицина — дело затратное. А вы, насколько я слышал от общих знакомых, сейчас находитесь в стадии... реструктуризации личных активов.

— Мои активы — это не ваше дело, — отрезала я. — Если я решу арендовать здесь офис, я буду платить по тарифу. Мне не нужны поблажки.

Рустам усмехнулся. Усмешка была странной — не злой, а скорее оценивающей. Так смотрят на боксера, который вышел на ринг со сломанным ребром, но отказывается падать.

— Я не люблю дам в беде, Маргарита Равилевна, — тихо сказал он, и в его голосе прорезалась сталь. — Обычно они слишком много плачут и слишком мало делают. От них одни

проблемы: то кран потечет, то истерика на рабочем месте. А вы выглядите как женщина, которая привыкла сама раздавать проблемы, а не получать их.

— Именно так. Рада, что мы поняли друг друга.

Я попыталась пройти мимо него к своему такси, которое как раз припарковалось у обочины, но он слегка заступил мне дорогу. Не грубо, но ощутимо.

— Гордость — это хорошо для портрета в журнале «Лица города», — Рустам смотрел мне прямо в глаза. — Но для бизнеса это балласт. У вас заблокированы счета, Павловская. Ваш муж — редкостный подлец, и он сделает всё, чтобы вы не открыли здесь даже киоск с пластырями.

Я замерла. Откуда он знает про счета? Впрочем, в Казани новости разлетаются быстрее, чем вирус гриппа.

— И что вы предлагаете? — спросила я, скрестив руки на груди. — Скидку в обмен на мои слезы? Или, может, мне нужно упасть к вам в ноги и попросить защиты?

— Упаси бог, — Рустам наконец улыбнулся, и эта улыбка на мгновение стерла жесткость с его лица. — Я предлагаю партнерство. Мне нужен сильный диагностический центр в этом здании для моих сотрудников и страховых программ. Я готов дать вам арендные каникулы на три месяца. Но не из жалости. А потому что я видел, как вы смеялись на той улице.

Моё сердце пропустило удар.

— Вы... вы видели?

— Я видел женщину, чья жизнь рухнула в розовые кусты, а она стояла и смеялась над этим фарсом. Это дорогого стоит. Такие люди не сдаются. Они либо побеждают, либо сжигают всё дотла. Мне нравятся оба варианта.

Я смотрела на него, пытаюсь найти в его глазах подвох. Но там была только холодная, мужская прямота.

— Никаких каникул, Рустам Тимурович, — сказала я, чеканя каждое слово. — Я возьму это помещение. По полной цене. Договор будет на моё имя. И если вы еще раз назовете меня «дамой в беде», я найду другое здание. Даже если мне придется принимать пациентов в палатке на набережной.

Рустам рассмеялся — громко, искренне.

— А вы колючая, Маргарита. Хуже тех роз, в которые приземлился ваш благоверный. Хорошо. Булат подготовит стандартный договор. Без скидок. Раз вы так жаждете платить полную цену за свою независимость — я не буду вам мешать.

Он подошел к своей машине, открыл дверь, но перед тем как сесть, обернулся.

— И еще одно. В Казани сейчас ветрено. Берегите осанку. Она у вас слишком красивая, чтобы горбиться под тяжестью чужих панталон.

«Гелендваген» сорвался с места, оставив меня на парковке в облаке дорогого парфюма и осевшей пыли.

Я стояла, сжимая в руке визитку менеджера, и чувствовала, как внутри дрожит какая-то натянутая струна. Рустам Гарипов был опасен. Опаснее Игоря, потому что он видел меня настоящей. Он видел мой смех, мою боль и мою ярость.

Но он был прав в одном: я не сдамся.

Я села в такси и достала телефон. Нужно было звонить юристу. Если Игорь решил поиграть в войну — что ж, я покажу ему, что такое настоящая ампутация.

Без наркоза. По полной стоимости.

Впереди был долгий день. Но теперь у меня было не только «вчера», которое болело. У меня появилось «завтра», которое обещало быть чертовски интересным.

Глава 8

Такси ползло по улице Профсоюзной, застревая в тягучих казанских пробках, как муха в сиропе. Я смотрела в окно, и город, который когда-то казался мне родным и понятным, теперь выглядел как набор чужих декораций. Люди куда-то спешили, смеялись, прижимали к ушам телефоны, и никто из них не знал, что в паре метров от них, на заднем сиденье серого «Соляриса», сидит женщина, чей двадцатилетний фундамент жизни только что превратился в радио-активную пыль.

Я достала телефон и снова открыла банковское приложение. Красная надпись о блокировке счетов никуда не исчезла. Она издевательски мерцала, напоминая о том, что Игорь перешел в фазу активного подавления.

«Мелковато, Игорь, — подумала я, глядя на экран. — Как-то по-детски. Перекрыть кислород, чтобы я приползла за баллоном?»

Мой мозг, переключившийся в режим «холодного хирурга», уже не болел. Он анализировал. Я вспоминала встречу с Рустамом Гариповым на парковке. Его тяжелый, сканирующий взгляд, шрам на скуле и эту его странную фразу про осанку. Он видел мой позор. Он видел мой безумный смех под балконом. И всё же в его глазах не было той липкой жалости, которой я боялась больше всего. Было что-то другое. Уважение хищника к другому хищнику, попавшему в капкан?

Возможно. Но сейчас мне было не до загадок Гарипова. Мне нужно было понять, насколько глубоко вонзился нож в мою спину.

Офис Ильдара Хакимова располагался в тихом дворике на Карла Маркса. Старинный особняк, скрипучая лестница и этот особый запах — смеси старой кожи, крепкого кофе и архивной бумаги. Ильдар был нашим общим другом. Он видел нас с Игорем ещё студентами, когда мы делили одну пачку лапши на двоих в общежитии и мечтали о собственной клинике.

Я вошла в кабинет без стука.

Ильдар сидел за массивным столом, заваленным папками. При виде меня он вскочил, и по его лицу — обычно непроницаемой маске опытного юриста — пробежала судорога сочувствия.

— Рита... — он двинулся мне навстречу, протягивая руки. — Я уже видел. Все видели. Господи, какой позор...

Я сделала короткий, рубящий жест ладонью.

— Стоп, Ильдар. Мне не нужны некрологи. Я еще жива.

Он осекся, внимательно вглядываясь в моё лицо. Наверное, он ждал слез, опухших глаз и просьб о валерьянке. Но я стояла перед ним прямая, как спица, в своем темно-синем костюме, который уже давно стал моей броней.

— Кофе? — коротко спросил он, возвращаясь в рабочее русло.

— Черный. Без сахара. И давай сразу к делу. Ты посмотрел то, что я просила утром?

Ильдар тяжело вздохнул и опустил в кресло. Он нажал кнопку на селекторе, заказал кофе и жестом пригласил меня присесть. На столе перед ним лежала папка — тонкая, но, судя по его виду, тяжелая по содержанию.

— Рита, я сделал предварительный аудит по выпискам, к которым у тебя еще был доступ как у соучредителя, — начал он, подвигая папку ко мне. — Скажу честно: Игорь действовал умно. Но не безупречно.

Я открыла первую страницу. Цифры. Проценты. Даты. Для обычного человека это был скучный бухгалтерский отчет, но для меня это была кардиограмма предательства. С каждым новым листком мой пульс становился всё медленнее и холоднее.

— Что это за переводы на ИП «Морозова О.Р.»? — я ткнула пальцем в строчку с пятизначной суммой. — Маркетинговые исследования? Ольга? Моя сестра проводила маркетинговые исследования для нашей клиники?

— Судя по документам — да, — Ильдар потер переносицу. — «Анализ потребительских предпочтений в сфере репродуктивного здоровья». «Консультационные услуги по продвижению бренда». Рита, эти счета выставлялись ежемесячно. Последние два года — точно.

Я закрыла глаза на секунду. Ольга. Моя младшая сестра, которая при слове «маркетинг» обычно спрашивала, не новый ли это бренд помады. Ольга, которой я сама выбивала зарплату в нашей клинике, считая, что она, бедняжка, никак не может найти себя.

Оказывается, она нашла себя очень давно. В моем кармане.

— Огромные суммы, Ильдар, — мой голос прозвучал удивительно спокойно, почти бесцветно. — На эти деньги можно было купить три новых аппарата МРТ последнего поколения.

— Или один загородный дом, — тихо добавил юрист. — Который, кстати, тоже оформлен на её имя через сложную цепочку договоров дарения.

Я почувствовала, как внутри меня будто проворачивается ржавый ключ. Значит, те розовые панталоны были лишь верхушкой айсберга. Игорь не просто спал с моей сестрой. Он строил с ней параллельную империю на мои деньги. На деньги, которые мы откладывали на учебу Руслана и Алины. На деньги, заработанные моими бессонными ночами над снимками и анализами.

— Это не просто измена, — сказала я, глядя в окно, где по стеклу начали стекать первые капли дождя. — Это мародерство.

— Есть кое-что еще, Рита, — Ильдар замялся, листая папку к самому началу. — Я копнул глубже. Ты просила проверить только последние два года, когда начались крупные странности. Но я решил посмотреть историю переводов с момента основания её ИП.

Он положил передо мной лист, на котором первая дата была обведена красным маркером.

Я посмотрела. И на мгновение мне показалось, что в кабинете выкачали весь воздух.

2019 год.

Пять лет назад.

— Пять лет? — прошептала я, чувствуя, как по спине пополз ледяной холод. — Пять лет, Ильдар?

— Первые транзакции были небольшими, — Ильдар смотрел на меня с нескрываемой болью. — Подготовка документов, аренда склада... тогда это не вызывало подозрений. Рита, они вместе уже пять лет. Минимум.

Пять лет. Пять лет назад мы праздновали наше пятинадцатилетие брака. Игорь тогда подарил мне кольцо и плакал, говоря, что я его единственная опора. Пять лет назад Ольга пришла к нам на Рождество и благодарила меня за то, что я «такая святая и всё для неё делаю».

Все эти пять лет они спали за моей спиной, обкрадывали меня и смеялись над моей «святостью». Каждую субботу, когда Игорь говорил, что едет на обход, он ехал к ней. Каждый раз, когда Ольга ныла, что ей нечем платить за коммуналку, она уже имела счет, на котором лежали мои деньги.

Я встала. Колени на мгновение подогнулись, но я уперлась руками в стол Ильдара.

— Рита, тебе нужно присесть... — Ильдар вскочил, пытаясь меня поддержать.

— Не надо, — я выпрямилась.

В голове прояснилось. Это была та самая стадия, когда диагноз поставлен окончательно и бесповоротно. Больше нет надежды на ошибку лаборатории. Нет смысла в консервативном лечении. Только радикальная операция.

Я посмотрела на свои руки. Они не дрожали.

— Значит, так, Ильдар. Слушай меня внимательно. Игорь заблокировал мои счета. Он думает, что я буду сидеть в бабушкиной квартире и ждать его милости. Он думает, что выставил меня душой перед всем городом и победил.

— Рита, видео... это действительно сильно ударило по репутации, — осторожно заметил Хакимов.

— Видео — это подарок, Ильдар. Это прекрасное доказательство его аморального поведения, которое мы приложим к делу о разделе имущества. Но это лирика. Мне нужно, чтобы ты подготовил иск. Мы будем оспаривать все эти «маркетинговые услуги». Это вывод средств, мошенничество в особо крупных размерах. Я хочу, чтобы каждый рубль, который он перевел Ольге, был признан совместно нажитым имуществом, подлежащим разделу.

Ильдар кивнул, быстро записывая что-то в блокнот.

— А клиника? — спросил он. — Он уже назначил совет директоров на завтра. Собирается отстранить тебя «по состоянию здоровья».

Я усмехнулась. Это было так предсказуемо.

— Пусть назначает. Завтра я не приду. Мне нужно время, чтобы подготовить базу. Но передай его юристам: я не уйду из бизнеса. Я уйду в автономию. А клинику... клинику мы поделим так, что от его доли останутся одни розовые рюши.

Я взяла папку со стола.

— Рита, — Ильдар окликнул меня уже у самой двери. — Ты уверена, что справишься? Ты сейчас на одних нервах. Может, стоит... ну, взять паузу? Уехать куда-нибудь?

Я обернулась.

— Ильдар, я двадцать лет ставила диагнозы другим. Теперь пришло время прооперировать саму себя. А паузу пусть берет Игорь. Ему скоро очень понадобится время, чтобы подумывать, как он будет объяснять следственному комитету свои маркетинговые исследования.

Я вышла из офиса. На улице уже вовсю лил дождь, типичный казанский ливень — резкий и шумный. Я не стала раскрывать зонт. Холодные капли били по лицу, смывая остатки «алмазной» пыли моего вчерашнего юбилея.

Пять лет лжи. Пять лет воровства.

Я села в такси и назвала адрес бабушкиной квартиры. В кармане завибрировал телефон — пришло уведомление от менеджера «Гарипов-Плаза». Договор аренды был готов.

«Гордость стоит дорого», — вспомнила я слова Рустама.

Да, Рустам Тимурович. Она стоит невероятно дорого. Но я готова платить. Потому что теперь я знаю истинную цену своего «счастья». Оно стоило ровно столько, сколько Игорь перечислил Ольге за пять лет — копейки по сравнению с тем, что я собираюсь у них отобрать.

Я посмотрела на свои ладони в свете пролетающих мимо фонарей. Я была Маргаритой Павловской. Лучшим диагностом города. И сейчас я точно знала: эта опухоль будет вырезана под корень.

Без права на реабилитацию.

Дома меня ждал Руслан. Он уже успел навести порядок на кухне и теперь сидел с ноутбуком, что-то сосредоточенно печатая.

— Мам? — он поднял голову. — Ты вся промокла. Где ты была?

— Занималась юридической дезинфекцией, Рус, — я стряхнула капли с пиджака. — Завари чай. Нам нужно обсудить план нашей новой жизни.

Сын посмотрел на меня, и в его глазах я увидела не жалость, а взрослую, мужскую решимость.

— Я с тобой, мам. До конца.

Я кивнула. Теперь я была не одна. И у меня было то, чего не было у Игоря — правда и чистое имя, которое не испачкать никакими панталонами.

Скоро начнется мой первый день в «Гарипов-Плаза». А пока... пока я просто закрою глаза и позволю себе одну минуту тишины. Последнюю минуту перед тем, как начнется настоящая буря.

Глава 9

Квартира бабушки встретила меня вздохом старого паркета. Здесь пахло высушенной липовой корой, пыльными книгами и тем особым, консервированным покоем, который бывает только в домах, где время решило прилечь и вздремнуть лет на сорок. Старо-Татарская слобода за окном жила своей неспешной жизнью: кричали чайки над озером Кабан, где-то вдалеке гудел туристический автобус, а солнце медленно оседало на крыши мечетей, окрашивая их в цвет жженого сахара.

Я опустилась на массивный дубовый стул. После нашего вылизанного, стерильного особняка, где каждый предмет мебели стоял по линейке, этот «заповедник памяти» казался мне единственным местом на земле, где можно просто дышать, не боясь нарушить чью-то идеальную композицию.

— Мам, я там в шкафу нашел твой старый альбом. — Руслан вышел из комнаты, отряхивая руки от пыли. — Студенческий. Ты там с короткой стрижкой и в какой-то безумной косухе.

Я приняла из его рук потрепанную папку. Со снимка на меня смотрела молодая женщина с дерзким взглядом. Я почти забыла её. Игорь методично, год за годом, «обтесывал» меня, превращая в элегантную спутницу главврача. Он не любил косухи. Он любил кашемир и жемчуг. Он не любил резких движений. Он любил, когда я плавно скользила по залу, создавая правильный фон для его триумфов.

— Это я до того, как стала «алмазом» в чьих-то неумелых руках, Рус, — я погладила пальцем фотографию. — Оказывается, я была вполне самодостаточной особой.

— Ты и сейчас такая, — серьезно ответил сын. — Просто... немного запылилась под этим слоем кашемира. Чай будешь? Я нашел бабушкин сервиз. Синие тюльпаны.

— Буду, родной. Очень буду.

Мы пили чай из тонкостенных пиал, когда в дверь позвонили. Громко, требовательно, в три длинных звонка. Так звонила только одна женщина в моей жизни.

Диляра влетела в прихожую как ураган, пахнувший дорогим табаком, кожей и какой-то невероятной, витальной наглостью. В руках она сжимала огромный пакет из «Бахетле» и чехол с одеждой.

— Так, — она с ходу всучила Руслану пакет. — Там эчпочмаки, казылык и бутылка чего-то, что заставит твою мать перестать смотреть на мир взглядом патологоанатома. Руслан, брысь на кухню, нам с твоей матерью нужно провести экстренное совещание.

— Привет, Диля, — я поднялась навстречу подруге.

— «Привет» она говорит! — Диляра обхватила меня своими сильными руками, и я почувствовала, как моя «ледяная броня» на мгновение дала трещину. — Ритка, я видела видео. Это... это гениально. Весь наш бомонд в экстазе. Игорь теперь в мемах. Его панталоны в розовый горошек — это новый тренд сезона. Говорят, Пашка-сосед выставил скриншот с его лицом на аукцион.

— Панталоны были однотонные, — зачем-то уточнила я, увлекая её в комнату. — Кружевные.

— Неважно! — Диляра бухнулась на софу, которая жалобно скрипнула. — Важно, что ты ушла красиво. Но почему в эту дыру, Рита? Могла бы ко мне. У меня гостевой этаж пустует.

— Мне нужно было к корням, Диля. Здесь я помню, кто я такая без фамилии Павловская.

Мы сидели на кухне, вокруг старого стола, накрытого пожелтевшей скатертью. Диляра разливала чай, но поглядывала на меня так, будто примеряла на меня новый образ. Я рассказывала ей всё. Про заблокированные счета. Про пять лет лжи. Про то, что Ольга не просто спала с моим мужем, а методично воровала наши семейные деньги.

— Сука, — коротко и профессионально резюмировала Диляра, откусывая кусок эппоч-мака. — Ритка, это же не просто измена. Это организованная преступная группировка. Он — заказчик, она — исполнитель. А ты — инвестор этого придурочного цирка.

— Именно так я себя и чувствую, — я горько усмехнулась. — Инвестором. Я вчера видела Гарипова. В его бизнес-центре.

Диляра замерла, не донеся чашку до рта.

— Самого Рустама? Ох, Рита... С этим осторожнее. Он не из тех, кто играет в «дочки-матери». У него репутация человека, который перемалывает конкурентов и не замечает. Но здание у него лучшее в городе. Если ты там откроешься — Игорь сдохнет от зависти. Его клиника на фоне твоего нового центра будет выглядеть как сельский фельдшерский пункт.

— Я так и планирую. Назову центр «Второе дыхание».

— Плохо, — отрезала Диляра. — Отдает реанимацией. Назови «Маргарита». Или «Диагноз: Свобода». Нет, ладно, с названием подумаем. Но дизайн я беру на себя. Сделаем хай-тек вперемешку с национальным колоритом. Чтобы Гарипов заходил и забывал, зачем пришел.

Она вдруг прищурилась, глядя на мои волосы.

— Рита, твоя прическа... Она кричит о том, что ты — жена главного врача. Она слишком правильная. Слишком скучная. Слишком «Игоревская».

— Я знаю, — я коснулась тяжелого узла на затылке. — Он всегда хотел, чтобы у меня были длинные волосы. Говорил, что это признак женственности.

— Его женственность недавно упала в розы, — Диляра решительно встала и полезла в свою сумку. — У меня с собой профессиональные ножницы. Я же дизайнер, помнишь? Я крою не только шелк, но и судьбы. Садись.

— Здесь? Прямо на кухне?

— Самое место для экзорцизма. Рус! Тащи табуретку под лампу!

Через пять минут я сидела посреди кухни, застеленной старыми газетами. Диляра работала молча и сосредоточенно. Я слышала только ритмичное чик-чик-чик и видела, как на пожелтевшую бумагу падают тяжелые, темно-каштановые пряди. Вместе с ними, казалось, осыпалась тяжесть последних двадцати лет. Уходила обязанность быть идеальной. Исчезала необходимость соответствовать чьим-то ожиданиям.

Когда Диляра отложила ножницы и поднесла к моему лицу маленькое зеркальце, я не узнала себя. На меня смотрела женщина с короткой, дерзкой стрижкой «пикси». Глаза стали больше, скулы — острее. Я выглядела... опасно. И очень по-настоящему.

— Ну вот, — довольно выдохнула подруга. — Теперь ты похожа на человека, который может арендовать БЦ у Гарипова и не моргнуть глазом. А теперь — пошли. Нам нужно закончить ритуал.

— Куда?

— К воде. Кабан рядом.

Вечерняя Казань обнимала прохладой. Мы вышли на набережную. Озеро Кабан мерцало в свете фонарей, темное и глубокое, хранящее легенды о ханских сокровищах на дне. Я чувствовала невероятную легкость — затылок обдувал ветерок, которого я не чувствовала годами.

Я достала из кармана обручальное кольцо. Массивное, из белого золота, с россыпью бриллиантов. Оно стоило целое состояние. Но сейчас оно ощущалось на ладони как холодный, ядовитый слизень.

— Пять лет он носил кольцо, возвращаясь от неё, — тихо сказала я. — Пять лет он обнимал меня этими руками.

— Кидай, — коротко бросила Диляра. — Вода всё спрячет.

Я размахнулась. Кольцо описало в воздухе дугу, сверкнув в свете фонаря, и с тихим плюх исчезло в черной глади Кабана.

Никаких громов и молний. Просто круги по воде.

Я выдохнула — глубоко, до самого дна легких.

— Всё, — сказала я. — Больше нет никакой «жены Павловской». Есть просто Маргарита.

— Маргарита Павловская — это бренд, — напомнила Диляра. — Оставь фамилию себе как трофеем. Пусть он бесится, когда твое имя будет звучать из каждого утюга, а он будет ассоциироваться только с розовым кружевом.

Мы вернулись в квартиру поздно. Диляра уехала, пообещав завтра утром прислать бригаду клинеров и «пару-тройку идей по планировке». Я осталась одна. Руслан уже спал в большой комнате на диване.

Я подошла к окну, глядя на спящую свободу. Тишина. Покой.

И в этот момент мой телефон, лежавший на подоконнике, взорвался звонком.

Игорь.

Я хотела сбросить, но палец сам нажал на «принять». Из трубки донесся шум бара, музыка и тяжелое, несвязное дыхание.

— Р-р-рита... — его голос был неузнаваем. Пьяный, хриплый, пропитанный желчью и саможалением. — Ты... ты думаешь, ты выиграла? Ты думаешь, ты ушла и... и всё?

— Игорь, ты пьян. Ложись спать.

— Не смей мне указывать! — взревел он, и я представила, как он сейчас багровеет, сжимая стакан. — Ты... ты сломала жизнь Алине! Дочь плачет, она не хочет выходить из комнаты! Ты опозорила меня на весь Татарстан! Знаешь... знаешь, что Ольга сказала? Она в депрессии! Она... она плачет из-за твоих ножниц! Ты чуть не сделала меня инвалидом, стерва!

Я слушала его и чувствовала только бесконечную, ледяную брезгливость.

— Игорь, я сделала тебя свободным.. От совести ты и так был свободным, а теперь ещё и от иллюзий.

— Заткнись! Слушай меня... — он икнул. — Ты завтра же... завтра же возвращаешься. Приезжаешь к Ольге, привозишь цветы и... и извиняешься. Поняла? Публично. Скажешь, что у тебя был нервный срыв. Климакс. Что угодно! Тогда... тогда я подумаю. Может быть, я разблокирую твои карты. Может быть, я не вышвырну тебя из клиники. Ты же без меня — никто, Рита! Пустое место! В сорок пять лет ты никому не нужна со своим гонором!

Я посмотрела на свое отражение в темном стекле окна. Короткие волосы, жесткий взгляд.

— Игорь, — сказала я тихо, но так, что он на том конце мгновенно замолчал. — Содержание — это то, что внутри. У тебя там — пустота. Ты даже не понимаешь, как ты жалок сейчас. Не звони мне больше. Все вопросы — через юриста. И передай Ольге: торт был несвежий. Как и вся ваша интрижка.

Я нажала отбой и заблокировала номер.

Руки не дрожали. Наоборот, по телу разлилось удивительное тепло. Это была точка невозврата. Он только что сам подтвердил мой диагноз: неизлечим.

Я легла на бабушкину кровать, укрывшись старым байковым одеялом. За окном шептались тополя. Впервые за много лет я заснула мгновенно, и мне не снились ни панталоны, ни розы, ни Игоревы бриллианты.

Мне снилась Казань. И я шла по ней легко, не чувствуя веса прошлого.

Координаты были заданы. Завтра начиналась настоящая жизнь.

Глава 10(Рустам)

(от лица Рустама)

Экран монитора в моем кабинете разбивал мир на шестнадцать стерильных квадратов. Я привык доверять цифрам и картинкам больше, чем словам. Слова лгут, ими торгуют, ими прикрывают трусость. А камера — она беспристрастна.

Я откинулся на спинку кожаного кресла, чувствуя, как привычно ноет старый шрам на скуле к перемене погоды. На четвертом этаже, в квадрате 405, происходило движение. Там обживала территорию моя новая арендаторша. Маргарита Павловская.

Я увеличил изображение.

Она изменилась. Всего два дня назад на той позорной улице под Казанью она была «алмазом в оправе» — длинные волосы, дорогое платье, статус. А сейчас... Я невольно подался вперед. Она состригла волосы. Резкая, почти мальчишеская стрижка «пики» обнажила тонкую шею и сделала её лицо пугающе выразительным. Она больше не была «женой главврача». Она выглядела как солдат, который сбросил парадную форму и надел камуфляж перед боем.

— Интересно, — пробормотал я, наблюдая, как она в одиночку толкает тяжелый металлический стеллаж.

Она упиралась плечом в холодную сталь, каблуки туфель скользили по ламинату. Лицо покраснелось, одна прядь прилипла к влажному виску. Она закусил губу — я видел это даже через пиксели монитора. Она злилась. Не на стеллаж. На весь этот гребанный мир, который решил, что в сорок пять её можно списать в утиль.

В моем понимании женщины делились на две категории: «домашние кошки», которые жалобно мяукают при виде закрытой двери, и «волчицы», которые вгрызаются в замок, пока не выбьют зубы или не откроют его. Павловская была из вторых.

Я вспомнил тот её смех под балконом. Истерический, переходящий в икоту, но при этом очищающий. Другая бы упала в обморок или начала рыдать, размазывая тушь по щекам. А она смеялась над мужем, который болтался в розовых кружевах. В тот момент я понял: эта женщина — сталь. А я всегда ценил хороший металл.

Я поднялся, взял со стола планшет и вышел из кабинета. Булат, мой менеджер, что-то хотел спросить в приемной, но я только махнул рукой.

— Я на четвертый. Проверю систему пожаротушения.

Лифт скользнул вниз. Я не признавался себе, зачем иду туда на самом деле. Наверное, просто хотел посмотреть, как стальвысекает искры в реальном времени.

На четвертом этаже пахло свежей краской и упаковочным картоном. Дверь в 405-й была приоткрыта. Я остановился в тени коридора.

Маргарита боролась с диагностическим столом. Тяжелая машина на колесиках застряла в дверном проеме. Она тянула её на себя, жилы на тонких руках натянулись, как струны. Грохот упавшей коробки с инструментами заставил её вздрогнуть.

Этот звук — резкий, металлический — внезапно прошел мою память, как осколок.

Чечня, 2002-й. Полевой госпиталь в полуразрушенном здании школы. Снаружи молотит «град», а внутри — стерильность, пахнувшая спиртом и кровью. У меня на столе пацан, восемнадцать лет, развороченное бедро. Света нет, только фонарики на лбах медбратьев. Грохот очередного прилета заставляет стены дрожать, штукатурка сыплется прямо в открытую рану. У ассистентки сдают нервы, она роняет зажим. Звон металла о бетон.

— Собралась! — рявкнул я тогда, не поднимая головы. — Держи свет!

И она держала. Руки дрожали, но свет не шелохнулся. Мы его вытащили. Я тогда понял: на войне не важно, кто ты — мужчина или женщина. Важно, есть ли у тебя внутри стержень, на который можно опереться, когда мир вокруг превращается в крошево.

Я моргнул, возвращаясь в реальность БЦ «Гарипов-Плаза». Маргарита Павловская стояла посреди своего недостроенного кабинета, тяжело дыша. Она не плакала. Она просто смотрела на рассыпавшиеся зажимы и скальпели с таким видом, будто собиралась испепелить их взглядом.

Я вошел, нарочито громко стуча подошвами туфель.

— Маргарита Равилевна, вы решили подработать грузчиком? В моем БЦ профсоюз за такое по головке не погладит.

Она резко обернулась. Короткая стрижка сделала её глаза огромными. В них на секунду мелькнула беспомощность — та самая, которую она так тщательно скрывала под своим синим костюмом. Но через мгновение взгляд стал ледяным.

— Рустам Тимурович. Вы заходите без стука в помещения арендаторов?

— Дверь была открыта. А я, как владелец, обязан следить за сохранностью имущества. И вашего здоровья в том числе.

Я подошел к застрявшему столу и одним движением, почти не напрягаясь, затолкнул его в комнату. Металл послушно скрипнул.

— Спасибо, — сухо бросила она, поправляя воротник блузки. — Дальше я сама.

— Сама? — я окинул взглядом гору коробок. — Вы планируете запустить центр к утру? Судя по темпам, вы скорее заработаете грыжу, чем первого пациента.

— Это мои проблемы, Гарипов. Я заплатила за аренду. Остальное вас не касается.

Я сделал шаг к ней. Она не отступила. Только подбородок взлетел чуть выше. Она пахла не пудрой и цветами, как те дамочки, что обычно обивали пороги моего офиса. От неё пахло антисептиком, кофе и... решимостью.

— Знаете, что я подумал, когда увидел вас на той парковке? — я понизил голос. — Что вы — очень плохой стратег. Вы идете в лобовую атаку там, где нужно маневрировать. Ваш муж — подлец, это факт. Но он подлец с ресурсами. А вы сейчас — солдат в чистом поле с перочинным ножиком в руках.

— У меня не ножик, Рустам Тимурович. У меня скальпель. И я отлично умею им пользоваться.

Она подошла к упавшей коробке и начала собирать инструменты. Её движения были четкими, профессиональными.

— Стрижка вам идет, — вдруг сказал я, сам не ожидая от себя такой прямолинейности. — Сбросили балласт?

Она замерла с зажимом в руке. Медленно подняла голову.

— Я сбросила всё, что мешало мне дышать. Теперь, если вы закончили инспекцию пожарных выходов, я бы хотела продолжить.

Я посмотрел на неё — взлохмаченную, упрямую, чертовски красивую в своей ярости. В голове мелькнула мысль: «Хочу». Но это было не то дешевое желание обладать красивым телом. Мне хотелось понять, насколько глубоко заходит эта сталь. Сможет ли она не сломаться, когда её «алмазный» Игореk начнет по-настоящему закручивать гайки?

— Ладно, Маргарита Равилевна. Не буду мешать вашему подвигу.

Я вышел в коридор, но не ушел. Остановился за поворотом, слушая, как она снова начинает возить мебель. Глупая, гордая женщина.

Я достал телефон и набрал Булата.

— Булат, слушай внимательно. Через десять минут на четвертый этаж в 405-й кабинет должна зайти бригада сборщиков.

— Но, Рустам Тимурович, у нас всё расписано...

— Перепиши, — отрезал я. — Скажешь ей, что они ошиблись этажом. Мол, заказ был на пятый, но у них окно в графике, и они решили помочь соседям «в качестве рекламы». Бесплатно. Понял? Если она заподозрит, что это от меня — уволью обоих.

— Понял, сделаем.

— И еще. На складе в подвале лежат светодиодные панели, которые мы закупаем для операционного блока в прошлом году. Те, что с улучшенным спектром. Скажи, что это излишки или мелкий брак по корпусу, который нам некуда девать. Пусть установят ей. Ей нужен хороший свет для диагностики.

Я сбросил вызов и направился к лифту.

Внутренний голос — тот самый, что помогал мне выживать в горах и в бизнесе — ехидно заметил: «Гарипов, ты ведешь себя как влюбленный пацан. Прячешь помощь за фальшивыми предложениями».

Я усмехнулся своему отражению в зеркальной двери лифта. Нет, это не любовь. Это инвестиция. Я просто хочу, чтобы эта сталь сияла в полную силу. А когда она достроит свою крепость... тогда мы и посмотрим, кто из нас настоящий хищник.

Вернувшись в кабинет, я снова вывел на экран квадрат 405. Через пятнадцать минут туда вошли двое моих парней в комбинезонах. Я видел, как Маргарита сначала пыталась их выставить, как размахивала руками, а потом... потом она просто устало опустилась на ту самую коробку и позволила им подхватить тяжелый шкаф.

Она закрыла лицо руками всего на секунду. Плечи вздрогнули — один раз. И всё. Больше никакой слабости. Она поднялась и начала ими командовать.

Я улыбнулся, отхлебывая остывший кофе.

— Работай, Маргарита. Строй свой мир. А я посмотрю, как ты будешь его защищать.

Волк во мне чувствовал сталь. И эта сталь была чертовски высокого качества.

Глава 11

Белый халат хрустнул на плечах, как свежавывапавший снег. Я застегнула пуговицы — одну за другой, снизу вверх, возводя последнюю линию обороны. В этом БЦ «Гарипов-Плаза» всё было слишком новым, слишком прозрачным и пугающе многообещающим. Светодиодные панели, которые вчера «совершенно случайно» установили рабочие, заливали кабинет ровным, почти беспощадным светом. В нем не спрячешь ни морщинку на лице, ни трещину в душе.

Я повесила на шею стетоскоп. Его холодное прикосновение к ключицам действовало лучше любого успокоительного. Это был мой якорь. Мой профессиональный код. В этом мире я — Маргарита Павловская, диагност, способная по тени на снимке предсказать будущее пациента. И сейчас мне нужно было предсказать собственное.

На столе уже лежали папки, принесенные Ильдаром. Пять лет лжи. Пять лет маркетинговых исследований «розовых панталон». Я коснулась пальцами бумаг, чувствуя, как внутри закипает холодная, расчетливая энергия. У меня был час до прихода первого пациента — старой знакомой из Казани, которая, узнав о моем переезде, тут же записалась на прием. Жизнь пыталась склеиться.

Звук рывка дверной ручки разрезал тишину так резко, что я вздрогнула. Дверь не просто открылась — она ударилась о стопор с металлическим звоном.

В проеме стоял Игорь.

Если бы я встретила его на улице, я бы, возможно, его не узнала. Куда делся холеный «алмазный» главврач? Костюм от Brioni висел на нем так, будто Игорь за неделю усох вдвое. На щеке багровела длинная царапина — привет от моих плетистых роз, — а взгляд был мутным, тяжелым, с отчетливым желтоватым оттенком склер. Печень не прощает запоев, даже если ты сам — врач.

— Обустройстваешься, значит? — прохрипел он, не дожидаясь приглашения. — Гнездо вьешь, Маргарита?

Он прошел в центр кабинета, внося с собой запах перегара и дешевой дорожной злости. Каждое его движение было дерганным, лишенным былой вальяжности. Он выглядел как человек, который только что осознал, что его голый зад в интернете посмотрели больше раз, чем его выступления на симпозиумах.

— У тебя пять минут, Игорь, — я села за стол, сцепив пальцы в замок. — Потом придет пациент. Не думаю, что тебе хочется снова попасть в объективы камер в таком виде.

— Пациент? — он издал короткий, лающий смешок. — Ты серьезно думаешь, что здесь кто-то доверит тебе свое здоровье? Ты — ходячий анекдот, Рита. Жена, которая сошла с ума и развесила мужа на заборе. Ты хоть понимаешь, что ты сделала? Ты уничтожила мою репутацию!

— Ты уничтожил её сам, когда решил, что сорок восьмой размер кружева — это твой фасон, — ответила я, глядя ему прямо в глаза. — Я лишь помогла тебе с освещением.

Игорь побагровел. Он швырнул на мой безупречно чистый стол пухлую папку.

— Читай, «диагност». Это проект соглашения о разделе. Хотя делить нам, по сути, нечего.

Я медленно открыла папку. Буквы прыгали перед глазами, но смысл я ухватила быстро. Юридическая удавка, затянутая опытной рукой Глеба Горского.

— Ты лишаешь меня права на оборудование? — я подняла на него взгляд. — Игорь, это оборудование закупалось на мои премии и гранты. Здесь чеки на моё имя.

— Это оборудование принадлежит ООО «Медцентр Павловских», — отрезал он, опираясь руками о стол и нависая надо мной. — А в уставе четко прописано право единоличного управления имуществом генеральным директором. То есть мной. Ты здесь никто, Рита. Наем-

ный работник с неопределенным статусом. И фамилию мою ты больше носить не будешь. Я подаю иск о защите деловой репутации. Ты — психически нестабильная женщина, у которой на почве климакса и возрастных изменений начались галлюцинации и вспышки агрессии.

Я почувствовала, как в груди начинает разрастаться холодная пустота. Он не просто воровал. Он решил стереть меня как личность.

— Алина со мной, — добавил он, и в его голосе прорезалось змеиное торжество. — Она видела твои ножницы, Рита. Она видела, как ты издевалась над отцом. Она не хочет тебя знать. Она называет тебя «роботом». Знаешь, что она сказала вчера? «Хорошо, что папа нашел Олю, она хотя бы умеет чувствовать».

Удар пришелся под дых. Я задохнулась, чувствуя, как мир вокруг подернулся серой дымкой. Моя дочь. Моя девочка. Пять лет он травил её сознание, пока я верила в нашу общую «алмазную» мечту.

— Ты стареющая, никому не нужная разведенка, Рита, — Игорь наклонился еще ближе, его дыхание опалило мне лицо. — Посмотри на себя. Короткие волосы, облезлая квартира бабушки... Ты думаешь, Гарипов пустил тебя сюда из уважения? Он просто забавляется. Хочет посмотреть, как быстро ты сдохнешь с голоду, когда я перекрою тебе все выходы. Ты приползешь ко мне на коленях, будешь целовать мне руки и извиняться перед Ольгой, лишь бы я разрешил тебе работать хотя бы медсестрой.

Мои пальцы судорожно жали край стола. Я хотела что-то ответить, хотела ударить его, но голос застрял в горле комом раскаленного свинца. Он давил меня своим превосходством, своим знанием моих слабых мест.

И в этот момент дверь кабинета снова открылась. Без стука. Без звука. Просто изменилось атмосферное давление.

В кабинет вошел Рустам Гарипов.

Он не был в белом халате, но его присутствие вмиг сделало Игоря маленьким и суетливым. Рустам прошел к моему столу медленной, хищной походкой человека, который привык, что ему уступают дорогу. Он встал за моим плечом. Я не видела его лица, но почувствовала исходящую от него волну спокойной, сокрушительной силы.

Игорь осекся на полуслове. Его рот смешно приоткрылся, напоминая рыбу, выброшенную на лед.

— Рустам Тимурович... — выдавил мой муж, пытаясь вернуть лицу выражение достоинства. — Мы тут... с супругой обсуждаем семейные дела. Частный разговор.

— Частный разговор в моем здании не должен напоминать лай цепного пса, — голос Рустама был тихим, но от него по спине побежали мурашки. — Вы закончили, Павловский? Или вам нужно помочь найти выход? Я слышал, вы мастер по эвакуации через балконы.

Игорь побледнел. Его взгляд метнулся от Рустама ко мне, в нем вспыхнула смесь трусости и жгучей ненависти. Он понял, что здесь его «авторитет» равен нулю.

— Рита, мы не договорили, — он схватил свою папку со стола, едва не порвав документы. — Ты еще пожалеешь. Ты и твой... защитник. В Казани тесно, Рита. Очень тесно.

Он почти выбежал из кабинета. Дверь захлопнулась, оставив после себя запах его страха и моего унижения.

Я сидела, не в силах пошевелиться. Сердце колотилось о ребра, как пойманная птица. Тишина кабинета казалась оглушительной.

— Спасибо, — выдавила я, глядя в одну точку перед собой.

— Не за что, — Рустам обошел стол и сел на стул, который только что занимал Игорь. — Этот тип не понимает слов. Только силу.

Я подняла голову. Гарипов смотрел на меня со своим обычным нечитаемым выражением, но в глубине его глаз — тех самых, цвета крепкого чая — я увидела искру... чего? Жалости? Опеки?

И это стало последней каплей.

Весь гнев, всё унижение, вся боль от слов Игоря о дочери вдруг трансформировались в яростный протест против этого человека, который снова «случайно» оказался рядом, чтобы спасти «дамочку в беде».

— Кто вам дал право входить сюда без стука? — мой голос зазвенел, набирая силу. — Кто разрешил вам вмешиваться в мой разговор с мужем?

Рустам слегка приподнял бровь, явно не ожидая такой реакции.

— Я владелец здания, Маргарита Равилевна. И я слышал шум...

— Вы слышали возможность снова поиграть в благородного рыцаря! — я вскочила, едва не опрокинув стул. — Вы приставили ко мне рабочих, вы подсовываете мне «бракованные» светильники, а теперь вваливаетесь в мой кабинет, когда я слаба! Вы думаете, я не понимаю, что происходит?

— И что же, по-вашему, происходит? — он тоже встал. Спокойный. Монолитный. Бесящий своей правильностью.

— Вы ставите меня в зависимость! Вы хотите, чтобы я была вам должна. Сначала аренда, потом помощь с мужем... А дальше что? Я только что вырвалась из одной клетки, Рустам Тимурович. Золотой, дорогой, но клетки! И я не собираюсь перебираться в другую, даже если она сделана из лучшей стали в вашем бизнес-центре!

— Вы преувеличиваете мою заинтересованность в ваших семейных драмах, — холодно произнес он. — Я просто не люблю, когда в моих стенах оскорбляют женщин.

— Я сама разберусь со своими оскорблениями! — я сделала шаг к нему, чувствуя, как пылает лицо. — Я — врач. Я умею вскрывать гнойники. И этот гнойник с Игорем — мой личный. Мне не нужны телохранители. Мне не нужны ваши льготы. Я заплачу за аренду до копейки. Прямо сейчас выйдите из моего кабинета. У меня пациент.

Рустам молчал несколько секунд. Его взгляд стал жестким, непроницаемым. Он медленно кивнул.

— Как скажете, Маргарита Равилевна. Больше я не позволю себе «вмешиваться». Надеюсь, вашего скальпеля хватит, чтобы вырезать всё лишнее.

Он развернулся и вышел, закрыв дверь с безупречной, ледяной аккуратностью.

Я осталась одна. В накрахмаленном халате, со стетоскопом на шее, в кабинете, залитом идеальным светом. У меня подкашивались ноги. Я медленно опустилась на пол, прижавшись спиной к двери.

Внутри всё дрожало. Я только что выставила человека, который, возможно, был моей единственной защитой в этом городе. Я осталась один на один с Игорем, его юристами и ненавистью собственной дочери.

Я была круглой душой. Гордой, строптивой, израненной душой.

Но в то же время я чувствовала странное, дикое облегчение. Впервые за двадцать лет я не была «женой». Я не была «пациенткой». Я была собой — женщиной, которая сама решает, с кем ей воевать и у кого просить помощи.

— Первая кровь, Игорь, — прошептала я в пустоту кабинета. — Ты пустил мне кровь. Но ты забыл, что я — хирург. И я знаю, как останавливать кровотечение.

Я поднялась, отряхнула халат и подошла к зеркалу. Поправила короткие волосы. Глаза блестели — не от слез, от ярости.

Через минуту в кабинет робко постучали.

— Маргарита Равилевна? Можно?

Я глубоко вздохнула, расправила плечи и нацепила свою самую профессиональную улыбку.

— Да, входите. Я вас жду.

Битва за жизнь началась. И я не собиралась её проигрывать. Даже если ради этого мне придется воевать со всем миром в одиночку.

Глава 12

Дверь за Рустамом захлопнулась с едва слышным, благородным щелчком, который в наступившей тишине прозвучал для меня как выстрел стартового пистолета. Я стояла посреди своего недостроенного кабинета, сжимая в руке стетоскоп так сильно, что холодные дужки впились в ладонь.

В воздухе всё еще висел тяжелый коктейль из перегара Игоря и морозной, пугающей уверенности Гарипова. Два самца столкнулись на моей территории, один пытался меня уничтожить, второй — пометить как свою собственность под видом спасения. А я? Я просто хотела, чтобы мне дали возможность дышать без посторонней помощи.

— Маргарита Равилевна? — робкий голос Надежды Петровны, моей первой пациентки, донесся из-за двери. — Я могу войти?

Я сделала глубокий вдох, расправляя плечи. Профессиональная деформация — великая вещь. Стоило мне снова накинуть халат, как всё личное, кровоточащее и ноющее, отошло на второй план, упакованное в стерильный контейнер «до востребования».

— Входите, Надежда Петровна. Простите за шум, технические неувязки.

Прием длился сорок минут. Я слушала её легкие, смотрела результаты её анализов, задавала четкие вопросы. Я видела, что она хочет спросить — город маленький, а сплетни в Казани летают быстрее, чем сезонный грипп. Она наверняка видела то видео. Она знала, почему я здесь, а не в роскошном центре Павловских под Казанью. Но мой холодный, сосредоточенный взгляд не давал ей шанса скатиться в сочувствие. Мне не нужна была жалость. Мне нужен был диагноз.

Когда за пациенткой закрылась дверь, я обессиленно опустилась в кресло. Халат, который сорок минут был моей броней, вдруг стал неподъемным.

В дверь снова постучали. Коротко, по-деловому.

— Доставка оборудования! Где расписаться?

В кабинет ввалились двое парней в синих комбинезонах, волоча за собой огромные коробки, обмотанные километрами скотча. Моя «заначка». Те деньги, которые я годами откладывала «на черный день», не говоря Игорю — не из недоверия, а по старой привычке врача иметь неприкосновенный запас медикаментов. Оказалось, черный день наступил, и он был окрашен в розовый цвет панталон моей сестры.

Портативный УЗИ-сканер, анализаторы крови, компьютер. Всё то, что Игорь только что пытался объявить своей собственностью, сейчас стояло передо мной в картоне и пенопласте.

Я подошла к самой большой коробке. В лотке для инструментов на столе лежал новый одноразовый скальпель. Я взяла его. Сталь блеснула под безупречным светом панелей Гарипова.

Я приставила лезвие к плотному коричневому скотчу.

Вж-ж-жик.

Звук был коротким и сочным. В моей голове этот надрез совпал с вскрытием огромного, застарелого нарыва. Знаете, в хирургии есть такой момент: когда ты наконец добиваешься до очага инфекции, из него выходит всё лишнее, грязное, мешающее организму жить. Больно? Да. Но после этого всегда наступает облегчение.

Я методично разрезала ленту за лентой. Скотч сопротивлялся, лип к пальцам, но скальпель в моей руке двигался уверенно. Я вскрывала свою новую реальность. Из коробок пахло новой пластмассой, озоном и свободой. Никаких лилий. Никакого перегара. Только запах чистого листа.

— Диагноз: жить, — прошептала я, вытаскивая из пенопласта монитор. — Жить долго, счастливо и исключительно по собственному графику.

Я подошла к ноутбуку. Пальцы летали по клавишам, завершая то, что я начала еще ночью. Сайт госуслуг, раздел регистрации частной медицинской практики. Нужно было вписать название.

Диляра предлагала «Маргариту». Кто-то из коллег советовал «Павловская-Диагностик». Но я замерла, глядя на мигающий курсор.

«Второе дыхание».

Пусть звучит немного сентиментально для такого сухаря, как я. Но сейчас мне это было нужно. Нажать кнопку «Отправить». Подтвердить электронной подписью.

Клик.

Официально. В реестре. Теперь я не «придаток к главврачу». Я — Маргарита Павловская, руководитель диагностического кабинета «Второе дыхание». Я почувствовала, как в легкие наконец-то зашел воздух. Настоящий, не отфильтрованный чужими ожиданиями.

Минута тишины была прервана вибросигналом телефона. Я хотела отложить его, но на экране высветилось уведомление из соцсети. «Ольга Морозова опубликовала новое фото».

Мой палец сам потянулся к экрану. Любопытство — это тоже форма диагностики.

На экране всплыл снимок. Мой бывший кабинет в нашей... нет, в его клинике. Те же кожаные кресла, тот же вид на сосны. В моем кресле вальяжно расположилась Ольга. Она сияла. На ней был надет белый халат — мой халат. Я узнала его по маленькой, едва заметной вышивке «М.Р. Павловская» на воротничке.

Подпись под фото гласила: «Новые горизонты! Иногда, чтобы спасти бизнес, нужно сменить руководство на более вдохновляющее и женственное. Работаем для вас с любовью! #новаяжизнь #бизнесвумен #любовьспасетмир».

Я смотрела на это фото, и в груди сначала заворочался тяжелый ком ярости, но потом... потом меня прорвало.

Я начала смеяться. Сначала тихо, в кулак, а потом в голос, до колик, до слез, которые наконец-то брызнули из глаз. Это было так жалко! Ольга в моем халате выглядела как первоклассница, надевшая мамины туфли. Плечи висели, рукава были чуть длинноваты, а лицо... лицо выражало ту самую смесь торжества и глупости, которая всегда её выдавала. Она даже не потрудилась заказать свой халат. Она просто влезла в мою шкуру, думая, что вместе с ней получит мой мозг и мою репутацию.

— Ну что ж, Оля, — проговорила я сквозь смех, вытирая глаза. — Поиграем в доктора. Посмотрим, как ты будешь объяснять пациентам разницу между гемоглобином и гемороем.

Я взяла телефон и открыла список контактов. Игорь. Я не удалила его номер — врагов нужно держать в зоне видимости радара.

Я набрала сообщение. Пальцы не дрожали.

«Игорь, видела фото Ольги в моем халате. Передай ей, что в плечах он ей велик — осанка не та, а в совести — мал, жмет в груди. И да, те розовые панталоны сорок восьмого размера... Надень их, когда пойдешь закладывать фундамент своей "новой жизни" — они тебе чертовски идут, подчеркивают твою истинную суть. С юбилеем меня еще раз».

Я нажала «Отправить».

Через секунду пришел отчет о доставке. Я представила, как он сейчас читает это, краснея до корней волос, как он швыряет телефон в стену или пытается выдавить из себя очередную гадость. Но мне было всё равно.

Я заблокировала уведомления. Встала и подошла к окну. Казань зажигала огни. Гарипов-Плаза возвышалась над городом как маяк.

Я знала, что завтра Игорь пришлет своих юристов. Знала, что Ольга испортит еще не один мой халат. Знала, что Алина будет звонить и плакать, требуя вернуться. Но я также знала, что мой «скальпель» уже сделал первый разрез.

Гнойник был вскрыт. Поле операции очищено.

Я выключила свет в кабинете. В темноте только мягко мерцал индикатор моего нового УЗИ-сканера.

— Диагноз подтвержден, — сказала я пустоте. — Пациентка скорее жива, чем хотелось бы некоторым.

Я вышла в коридор, цокая каблуками по гулкому полу. Впереди была ночь в бабушкиной квартире, чай с Русланом и планирование новой атаки. Но сегодня я заслужила этот вечер тишины.

Первый раунд остался за мной. И панталоны, Игорь, действительно тебе идут. Потому что ты — просто рюши на моей жизни. Которые я только что окончательно отрезала.

Глава 13

Кричащие над озером Кабан чайки — это совсем не те романтические птицы из приморских романов. В Казани они звучат как базарные торговки, вечно спорящие из-за куска подсохшего чак-чака. Их резкие голоса пробивались сквозь приоткрытую форточку бабушкиной квартиры, смешиваясь с густым, дразнящим ароматом свежей выпечки. Прямо под нами, на первом этаже, пекли лучшие в Старо-Татарской слободе эчпочмаки, и этот запах — горячего теста, томленного мяса и лука — был единственным, что примиряло меня с реальностью в семь часов утра.

Я провела рукой по затылку. Короткие волосы смешно топорщились, непривычно открывая шею прохладному сквозняку. Стрижка «пикси» всё еще казалась мне чужим париком, но когда я смотрела в зеркало, на меня глядела женщина, с которой я только начинала знакомиться. Маргарита, просто Маргарита. Без шлейфа из «алмазных» юбилеев и чужих ожиданий.

— Мам, ты опять зависла, — Руслан зашел на кухню, уже одетый в джинсы и футболку.

Он выглядел собранным, но тени под глазами выдавали, что спать на старом диване с выпирающими пружинами — сомнительное удовольствие для девятнадцатилетнего парня.

— Я не зависла, Рус. Я провожу органолептический анализ завтрака. Судя по запаху, нам пора спускаться вниз, пока всё не разобрали туристы.

— Я уже сбегал, — он кивнул на тарелку, прикрытую полотенцем. — Ешь. И проверь почту. Там... новости из министерства.

Моя рука, потянувшаяся к горячему треугольнику теста, замерла. Новости из министерства в моем случае могли означать только одно: Игорь включил свои связи на полную мощность.

Я открыла ноутбук прямо между чашкой чая и тарелкой. Официальное письмо. Холодный бюрократический слог, за которым отчетливо слышался издевательский смешок моего мужа. «В связи с необходимостью дополнительной верификации квалификационных категорий и проверкой соответствия технического оснащения... рассмотрение заявки на лицензирование ООО «Второе дыхание» приостановлено на тридцать рабочих дней».

Тридцать дней. Месяц. Игорь знал, что у меня нет этого месяца. Аренда в «Гарипов-Плаза» капала ежедневно, а мои ресурсы, подрезанные его блокировками, таяли, как лед в Казанке в середине апреля.

— Хочет измором взять, — Руслан заглянул в экран. — Мам, это же незаконно. Ты — лучший диагност республики. Какая еще верификация?

— В нашем мире, Рус, законно всё, на что хватает административного ресурса. Твой отец решил, что если он не может запереть меня в доме, он запрет меня в безденежье.

Я закрыла крышку ноутбука с более резким звуком, чем планировала.

— Ничего. Пусть проверяют. Я сегодня же еду в офис. Если я не могу принимать пациентов официально, я буду заниматься подготовкой базы. Отступать некуда, позади... бабушкин шкаф.

Бизнес-центр «Гарипов-Плаза» возвышался над старыми кварталами, как футуристический корабль, по ошибке пришвартовавшийся в историческом порту. Стекло, сталь и бесконечные блики солнца. Проходя через холл, я кожей чувствовала взгляды охраны и администраторов. Для них я всё еще была героиней того самого ролика. «Женщина, которая смеялась».

Мой кабинет на четвертом этаже встретил меня запахом новой краски, чистого линолеума и какой-то звенящей, стерильной пустоты. Оборудование, которое я распаковала вчера, стояло в идеальном порядке, но без лицензии оно было просто дорогими горами пластика и металла.

Я надела халат. Накрахмаленная ткань привычно обняла плечи, возвращая мне чувство собственного достоинства. В этом кабинете я была главной. Здесь не было места для Ольги в моих халатах и Игоря с его претензиями на мою жизнь.

Я подошла к новому медицинскому смесителю — дорогому, с длинным рычагом, который можно открывать локтем. Нужно было промыть систему перед установкой фильтров.

Я нажала на рычаг. Кран издал странный, утробный звук, похожий на ворчание старого пса. Вода пошла рывками, выплевывая рыжую ржавчину, а потом... потом раздался отчетливый «дзынь».

Струя воды под бешеным давлением ударила не в раковину, а в стену, рикошетом разлетаясь по всему кабинету. Я попыталась закрыть кран, но рычаг просто остался у меня в руке. Холодная вода мгновенно пропитала мой безупречный халат, залила туфли и начала стремительно подбираться к ножкам портативного УЗИ-аппарата.

— Да что же это такое! — вырвалось у меня.

Я бросилась к вентилям под раковиной, но они были затянуты так, будто их закручивал сам Геракл в приступе ярости. Вода хлестала, заливая мои глаза, смывая тушь, превращая мой новый, выстраданный мир в аквариум. Я тянула вентиль, обдирая ногти, чувствуя, как внутри закипает что-то темное, горячее, совсем не профессиональное.

Это было слишком. Министерство, заблокированные счета, предательство дочери, а теперь еще и этот кран! Казалось, даже сантехника в этом здании была в заговоре против меня. Я опустила на корточки прямо в лужу, чувствуя, как мокрый подол халата липнет к ногам. Точка кипения была пройдена. Я не плакала, нет — врачи моего профиля разучиваются плакать на втором курсе интернатуры. Я просто сидела и смотрела, как вода заливает мои последние надежды на спокойный рабочий день.

— Диагностики не должны работать в ластах. Это портит статистику.

Голос раздался прямо над головой — низкий, с той самой хрипотцой, которую я запомнила на парковке.

Я подняла голову. Рустам Гаринов стоял в дверях, прислонившись к косяку. На нем была безупречная голубая рубашка с закатанными рукавами, открывающими сильные предплечья. Он смотрел на меня без насмешки — скорее с тем же исследовательским интересом, с каким я смотрю на сложные снимки.

Я попыталась встать, скользнула ладонью по мокрому полу и едва не приземлилась обратно, но он оказался рядом быстрее, чем я успела охнуть. Его рука, жесткая и горячая, обхватила мой локоть, рывком возвращая меня в вертикальное положение.

— Уйдите, Рустам Тимурович, — прошипела я, пытаясь отцепить прилипшую к лицу прядь волос. — У меня... технический инцидент. Я сама разберусь.

— Вижу, как вы разбираетесь, — он проигнорировал мой выпад. — Инструмент не тот.

Он отпустил мой локоть, подошел к раковине и просто встал на колено прямо в лужу. Я замерла, глядя на его широкую спину. Гаринов достал из кармана какой-то складной мультитул — судя по виду, армейский. Пара резких, экономных движений под раковиной, глухой стук металла о металл — и воцарилась тишина. Вода перестала хлестать.

Рустам поднялся, отряхнул колени, на которых теперь красовались два темных мокрых пятна. Его рубашка тоже пострадала, но он, казалось, этого даже не заметил.

— Прокладка бракованная. Весь ряд менять надо, Булат опять сэкономил на комплектующих, — он посмотрел на меня. — Вы мокрая насквозь, Маргарита Равиленна.

Я посмотрела на свой халат — он висел на мне серой, жалкой тряпкой. Туфли хлюпали. В зеркале над раковиной я увидела свое отражение: размазанные тени, торчащие во все стороны мокрые волосы, безумный блеск в глазах.

— Спасибо за помощь, — я постаралась придать голосу максимум ледяного достоинства. — Я вызову клининг и возьму ущерб зданию.

— Ущерб зданию? — он усмехнулся. — Вы — мой арендатор, а не вредитель. Это здание должно служить вам, а не топить в ржавой воде.

Он подошел ближе. В тесном кабинете его присутствие ощущалось как работающий электрогенератор — мощно, гулко и немного пугающе.

— Вы упрямая женщина, Павловская. Ваш муж прислал уведомление, что намерен оспорить ваше право на аренду. Говорит, что вы недееспособны.

Я вскинула голову.

— И что вы ему ответили?

Рустам сделал шаг в мою сторону, сокращая дистанцию до опасного предела. Я чувствовала запах его парфюма — кедр и холодный ветер.

— Я ответил, что в моем здании диагнозы ставите вы, а не он. И что если он еще раз пришлет своего юриста без приглашения, тот выйдет через окно. Пятого этажа.

На мгновение мне захотелось улыбнуться, но я сдержалась.

— Не стоит ввязываться в мои войны, Рустам Тимурович. Я не ищу защитника.

— Я не защищаю вас, — он посмотрел мне прямо в глаза, и я увидела в их глубине странную, темную искру. — Я защищаю свои инвестиции. Мне нужен этот центр. И мне нужна вы — живая и сухая. Приведите себя в порядок. Тряпка и ведро в подсобке за углом.

Он развернулся и вышел, не оглядываясь. Я осталась стоять посреди лужи, чувствуя, как по спине медленно стекает холодная капля воды.

Этот человек бесил меня. Своим спокойствием, своей силой, тем, как легко он решал проблемы, которые казались мне концом света. Но в то же время... в то же время я впервые за двадцать лет почувствовала, что кто-то просто починил кран. Не потребовав за это благодарности, восхищения или отчета о проделанной работе.

Вечер опустился на Казань мягким бархатом. Я закончила уборку, переоделась в припасенное в шкафу запасное платье — простое, темно-синее, — и села за стол. В кабинете пахло хлоркой и свежестью. Вода ушла, оставив лишь легкие разводы на плитке.

Я открыла верхний ящик стола, чтобы убрать документы, и замерла. Я точно помнила, что ящик был пуст — я сама вытирала его утром.

На дне лежал лист бумаги. Белый, плотный, с тисненым логотипом БЦ «Гарипов». На нем размашистым, почти неразборчивым почерком было написано всего несколько слов:

«Диагносты не плачут над сантехникой. Ужин в восемь. Машина будет у центрального входа. Отказ не принимается — я уже заказал стол, а в том ресторане очень строгие правила отмены».

Я перечитала записку трижды.

Это было нагло. Это было беспардонно. Это было... именно то, что мне сейчас было нужно. Не жалость Диляры, не молчаливая поддержка сына, не юридические сводки Ильдара.

Мне нужен был вызов.

Я посмотрела на свои руки. Ногти были сломаны, ладони покраснели от борьбы с вентиляем. Но внутри, где-то за ребрами, впервые за неделю шевельнулось что-то, похожее на предвкушение.

Я достала из сумочки помаду — ту самую, дерзкую, вишневую, которую Игорь называл «вызывающей». Накрасила губы, глядя в зеркало над починенным краном.

— Посмотрим, Рустам Тимурович, какие у вас там правила отмены, — прошептала я своему отражению.

В сорок пять лет женщина начинает понимать: иногда, чтобы победить в войне, нужно позволить кому-то другому просто починить твой кран. А потом пойти и съесть свой ужин с достоинством королевы в изгнании.

Я выключила свет и вышла из кабинета. Впереди была Казань, полная огней, и мужчина, который явно не собирался играть в ролевые игры с панталонами. И это был лучший диагноз на сегодняшний вечер.

Глава14(Игорь)

(от лица Игоря)

Лодыжка ныла в такт пульсации в висках. Каждый шаг по безупречному керамограниту холла отзывался в позвоночнике сухим, колючим напоминанием о том, что розы в саду Ольги были не только красивыми, но и чертовски колючими. Я старался не хромать. Главврач не может припадать на ногу, как подстреленный заяц. Главврач — это символ стабильности, успеха и стерильного порядка.

Я вошел в клинику через центральный вход, а не через служебный, как обычно. Мне нужно было почувствовать это — трепет персонала, вежливые улыбки администраторов, запах больших денег и серьезной медицины. Моей медицины.

Но

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.